

Стенограмма

Круглого стола, посвященного 50-летию XX съезда КПСС

15 февраля 2006 года

Круглый стол открыл **М.С.Горбачев**, который напомнил, что десять лет назад в Фонде состоялась конференция, посвященная 40-летию XX съезда. Итоговая мысль той дискуссии: надо сделать все, чтобы Россия твердо шла по пути становления демократии и освобождения от сталинизма: «Не останавливаясь ни перед чем, Сталин и его сообщники вернули страну к диктатуре, диктаторским методам. В конце концов, это вылилось в тоталитарный режим, получили тоталитарное общество, в котором мы находились на протяжении нескольких десятилетий. С приходом к власти Хрущева эти кардинальные вопросы остро встали перед обществом. Это была попытка заставить систему работать, но каждый сантиметр в усилиях Никиты Сергеевича Хрущева сопровождался огромной борьбой, встречал сопротивление». Тем не менее, «по инициативе Хрущева были предприняты серьезные шаги по совершенствованию управления. Но во всем этом было много спешки, волюнтаризма. В конце концов, на этом сыграли его противники, и его просто свергли. Причем если в 57-м году его защищали секретари обкомов и даже некоторые члены ЦК, то в 64-м году уже участвовала группа секретарей обкомов партии.»

Говоря о докладе Хрущева на XX съезде партии, Горбачев подчеркнул, что данная в нем политическая оценка культа личности Сталина поднимала вопрос об участии в репрессиях сталинского окружения, поведение которого нельзя оправдать созданной тогда атмосферой страха.

Брежневские времена Горбачев назвал периодом неосталинизма. «Это был откат и колоссальное торможение процессов развития в стране. А потом еще начались события вокруг нас, в других странах. И особенно 68-й год. После того, что мы сделали в связи с Пражской весной, - это сопровождалось колоссальной политической реакцией у нас в стране. Идеологическая

ситуация стала острой. Борьба с диссидентством, борьба с инакомыслием – это сковало всю страну и все общество. Это приходится на годы, когда весь остальной мир, реагируя на научно-техническую революцию, искал новые подходы, выход на новые технологии через тяжелейшие структурные реформы. А мы продолжали оставаться в прошлом, оказались, в застое, который охватил и экономику и политику, духовную сферу».

То, что произошло в 85-м году (перестройка, смена руководства и приход нового поколения на самый высший уровень власти), Горбачев назвал «восстановлением связи времен». «Ведь мы опирались на точку зрения Ленина. Мы понимали, что нельзя в такой стране применить НЭП, - это искусственно. Но мы отталкивались от принципов, которые там закладывались и которые встречали поддержку людей.»

«Сегодняшнее время напоминает времена Брежнева» – сказал Горбачев. «Времена, которые привели к неосталинизму, то есть сталинизму без репрессий типа 37-го года, но с известными репрессиями и преследованиями инакомыслия и т.д. и, конечно, абсолютным контролем за всем и вся. Встает вопрос: в чем тут дело? Каковы причины? Думается, что корни - в сложной социальной ситуации. Людям живется тяжело. В бедности, по меньшей мере, половина населения».

В заключение М.С. Горбачев говорил о сложности демократического транзита в России, предъявляющего особые требования к тем, кто в этот период руководит страной. «Стране нужен выбор, который бы интегрировал все современное, позитивное. Ведь уже наработано много форм, методов, подходов. Мы должны выйти на интегрированную систему, в которой бы были ценности свободы, социальной справедливости, демократии, рыночной экономики, открытости и т.д. Это нужно. Я вижу просчеты, которые есть у президента. Но я его защищаю. Я на его стороне, ибо он вытащил страну из хаоса. Уже этого достаточно, чтобы он навсегда остался в истории. Курс

президента нуждается в эффективной исполнительной власти. Это главное. Мне думается, мы выберемся.»

Симония Н.А. Я буду высказывать свое видение вопроса в рамках того малого времени, которое мне отведено. Оно не претендует, естественно, на какие-то законченные, отлитые, формулы и позиции. Единственное, я обещаю нашему президенту: я – ученый и буду спорить, в том числе и с Вами. Иначе не вижу смысла: зачем нам собираться, чтобы произносить какие-то дежурные юбилейные речи.

Итак, мое видение. Я буду говорить тезисно. Первое. Очень важно различать при анализе хрущевской эпохи два момента. Один момент – это «оттепель», который очень важен сам по себе, под который я подвожу все то доброе, что сделал Хрущев, в особенности в отношении репрессированных и их семей. Тысячи, тысячи и тысячи семей, воссоединились, или, по крайней мере, людям стало ясно, что случилось с их близкими и т.д. Для того времени - это была революционная мера. Прежде всего в сфере нравственности и морали.

Но есть другая сторона проблемы – это вопрос о том, что представляла хрущевская эра, особенно начиная с XX съезда, как момент исторического процесса, через который наша страна прошла с тех пор и до сегодняшнего дня.

Почему я хочу подчеркнуть важность разделения этих двух моментов? Потому что если акцентировать лишь один из этих моментов, то можно слишком переоценить Хрущева. А мы (ученые) должны все-таки постараться для будущего очень объективно осветить все аспекты, тем более сейчас, когда уже начали открываться дополнительные архивы, в том числе касающиеся XX съезда. В «Известиях» уже появились первые кусочки документов и выступлений того времени, и если посмотреть на проблему в целом, то перед нами, видимо, откроются еще какие-то новые грани.

Если брать только второй аспект, то мы можем недооценить того, что сделал Хрущев для десятков и десятков тысяч наших людей, в том числе еще живущих.

Поэтому тут должен быть очень серьезный, аккуратный, тонкий анализ, включающий все аспекты этого явления.

Меня сегодня, конечно, больше всего будет интересовать Хрущев и его выступление на съезде как момент исторического процесса в нашей стране. Я считаю: самое главное, что сделал этот доклад, его выступление, - это то, что был фактически разрушен миф и сам культ личности. Вернее, было положено начало этому разрушению. И это особенно важно для всего последующего нашего развития, вплоть, повторяю, до сегодняшнего дня.

Была жесткая бюрократическая, иерархическая пирамида власти во главе с вождем. Культ был скрепляющим моментом, связывающим намертво всю эту пирамиду. И Хрущев нанес удар по вершине этой пирамиды, и это вызвало неизбежное движение внутри этой пирамиды. Может быть, даже он не рассчитывал на те результаты, которые были получены в результате его выступления, может быть, он даже до конца не понимал, что делает, это так бывает в истории очень часто, - но, тем не менее, объективно эта заслуга принадлежит ему. У него в то время хватило смелости сделать этот шаг.

После этого восстановить культ уже было невозможно. Как и многие сидящие в этом зале я являюсь свидетелем постсталинского развития нашего общества, поэтому могу свидетельствовать, что тоталитарный вариант культа личности повторить уже не удалось в нашей стране. Но вот недавно, работая с небольшим коллективом над историографией сталинизма (она, видимо, пойдет в издательство в ближайшее время), я удивился, обнаружив что до сих пор существуют в этом вопросе какие-то мифы. Даже вчера в газетах я прочитал: вот Хрущев разрушил культ Сталина для того, чтобы создать новый культ. Даже если он желал этого, у него ничего не получилось.

Михаил Сергеевич правильно сегодня говорил, что нас приучили восторгаться, хлопать, аплодировать. Но это не культ, это чисто формальное, внешнее оформление, похожее на культ. А культ уже было невозможно восстановить. Здесь присутствуют многие пожилые люди, такие как я. Мы прекрасно помним, что с эпохой Хрущева было непосредственно связано появление тысяч анекдотов про Хрущева. Но можете ли вы себе представить, чтобы при жизни Сталина было такое количество анекдотов. И причем рассказывались они в открытую не на кухне в очень узком кругу друзей, мы приходили в институт и первым делом рассказывали очередной анекдот.

В отличие от эпохи Брежнева для эпохи Хрущева был характерен «массовый анекдотизм», причем с каким-то оттенком добродушия, даже с какой-то доброжелательностью. Смеялись, но смеялись по-хорошему, не зло. А когда наступила эра Брежнева, анекдотов стало еще больше, но они уже стали желчными, ядовитыми и т.д. Это очень показательно, и если смотреть с этой точки зрения, то нельзя было не заметить большую разницу между эпохой Хрущева и эпохой Брежнева.

Но вернемся к Хрущеву. Что еще сделал он для того, чтобы наша страна развивалась по-другому? Он, правда, не открыл, но все же приоткрыл страну. Это тоже было сделано произвольно, это был объективный результат новой ориентации во внешней политике. Почему? Он пересмотрел точку зрения, господствующую при Сталине, на национально-освободительные движения и их лидеров. Если вы посмотрите тома Большой Советской Энциклопедии, изданные в начале 50-х годов, то возможно с удивлением увидите там характеристики таких деятелей, как Сукарно, Неру, Насера, как «квислингов» и даже фашиствующих прихвостней империализма. Хрущев пересмотрел все это, он начал налаживать с ними контакты, ездить в развивающиеся страны, подписывать Договоры о дружбе и сотрудничестве. Благодаря всему этому десятки тысяч советских людей, специалистов со своими семьями, никогда не мечтавших увидеть ничего

заграничного, вдруг хлынули в страны Азии, Африки и Латинской Америки, они увидели совсем другой мир.

Говорю об этом так уверенно, потому что я был среди такого рода людей. В качестве переводчика я поехал в 60-м году в Индонезию, с нашими проектировщиками и строителями. Потом еще много раз ездил. После этого я никогда не писал всяких глупостей в своих статьях, главах и тем более монографиях. Потому что я увидел совсем другой мир. Понял, что этот мир ничего общего не имеет с тем, что утверждала наша пропаганда, о чем писалось в официальных изданиях и говорилось в официальных речах.

И еще. Хрущев сделал одну, казалось бы, маленькую вещь, которая, однако, для меня лично и моих представлений о марксизме сыграла роль переворота. Он инициировал постановление ЦК, разрешающее издание Полного собрания сочинений Ленина. Я допускаю, что где-то в сейфах еще есть какие-то очень важные записочки Ленина, но, во всяком случае, это было его наиболее полное собрание сочинений с восстановлением купюр, текстов, вырезанных по личному указанию Сталина. Я тут же подписался на это издание. И по мере поступления томов читал все, не пропуская ни одной страницы, ни одного примечания. Для меня это был переворот. Получив последний, 55-й том, я заново восемь месяцев перечитывал, абсолютно всё. Вот тогда-то я и понял, что марксизм - это одно, а тот «социализм», который строился в нашей стране, - это абсолютно другая вещь.

Более того, я решил, что теперь уже не смогу писать так, как раньше и решил написать книгу (это был моя докторская диссертация, а в 75-м году опубликовал ее как книгу), где четко было сказано: если ты марксист, ты должен признать, что социализм не только не был построен, но он и не мог быть построен в отсталой крестьянской России.

Почему я не соглашаюсь с Михаилом Сергеевичем по поводу характеристики брежневского режима как неосталинистского? Брежнев был слишком мелкотравчатой личностью, чтобы серьезно осуществить

реставрацию сталинизма. Вы все прекрасно помните, кто такой был Брежнев. Он максимум что мог сказать своим экспертам, пишущим для него очередной доклад на сталинской даче: «Что вы мне тут пишете какие-то заумные вещи, не делайте из меня философа. По-сталински, попроще пишете».

Горбачев М.С. Поэтому он и был неосталинистом.

Симония Н.А. Но ведь мы сейчас говорим о том, чем он на деле был, а не чем хотел бы быть. Это разные вещи. Поэтому вряд ли его можно назвать неосталинистом. Возьмите хотя бы пример с моей книгой, о которой я уже упоминал. Ее и моя судьба весьма показательны в плане характеристики «глубины» брежневской «реставрации» сталинизма. Я вижу здесь людей, которые читали в свое время эту книгу, и некоторые даже участвовали в обсуждении ее. И вот в 75-м году – в период брежневщины - выходит книга, где говорится, что нет никакого социализма. И что? Вы думаете: меня сослали в Сибирь? Хотя я уже сидел на кухне с женой, готовился ко всякому повороту событий и обсуждал с ней вопрос о том, что будем делать если меня выгонят с работы. Вы думаете: меня выгнали с работы? Вы думаете: была опубликована хотя бы одна серьезная статья, опровергающая то, что я написал в этой книге (около 500 страниц)?! У них не было уже пороха для этого.

Когда иностранцы, которые знают об этой книге, спрашивают: почему со мной так мягко обошлись (выгнали из редколлегии востоковедного журнала, пять лет не выпускали даже в ГДР или Болгарию), я им рассказываю анекдот. Я считаю, что могу себе позволить рассказать здесь этот анекдот: приезжает в гости свояк из другого города, естественно, пошли сразу в магазин, купили пол-литра водки, потом пошли в другой магазин – пытались купить селедку. Селедки не было. Он выходит на улицу и кричит: «До чего довели страну?! Нет даже селедки, нечем закусить». Пошли в овощной магазин – нет ни лука, ни зелени. Он опять кричит то же самое.

Тогда к нему подходят двое джентльменов, отводят его в подворотню и кричат: «Ты что позволяешь себе?!» И начали его всячески распекать, а потом и говорят: «Если ты в следующий раз еще так сделаешь, то пеняй на себя». И отпустили его. Он вернулся к свояку, тот спрашивает: «В чем дело?» Тот говорит: «Да у них и патронов уже нет».

Вот почему я сегодня сижу здесь с вами и разговариваю о Хрущеве, Брежнев и Сталине. Потому что действительно «патронов» не было. Два раза мой «добрый покровитель из ЦК» направлял мою книгу в журнал «Коммунист», чтобы они опубликовали разгромную статью. Два раза никто не захотел браться за это дело. Хотя по указанию ЦК все же организовали «обсуждение» моей книги в ряде институтов Академии наук СССР.

Вот поэтому-то для меня брежневщина – это очередной этап разложения тоталитарного режима, а не восстановление сталинского режима.

Горбачев М.С. Было замалчивание – вот и всё.

Симония Н.А. Но какой же это сталинизм – любой: нео- или какой хотите, если они вынуждены замалчивать?! Вот Суслову доложили, что какой-то сукин сын, молодой сотрудник посмел... Он сказал: «Что вы не можете справиться с мальчишкой?». И всё.

Почему все-таки Хрущев потерпел поражение? Для него было абсолютно невозможно отказаться от идеи социализма. Даже не в открытой форме, а в косвенной. Даже возвратиться к Ленину он не смог. Говорят: Хрущев провозгласил возвращение к истокам, к Ленину и т.д. Но он не смог, потому что возвратиться к Ленину – это означало то, о чем Вы, Михаил Сергеевич, говорили.

НЭП – единственный путь. Простая, казалось бы, мысль. Для социализма мы не готовы. Значит, единственное, что мы можем делать, - построить «мостки» к нему (Ленин). А что такое мостки? Госкапитализм. Все очень просто. Сталин ни разу при жизни Ленина и даже через год после его смерти ни в одной речи, ни в одной статье не упомянул слово НЭП.

Посмотрите его 13-томное издание. То есть он не принимал это дело уже с самого начала, еще при жизни Ленина. А когда Ленин умер, у него руки развязались, и он приступил к последовательному свертыванию НЭПа.

Но самое интересное, что даже в горбачевскую перестройку, когда поднялась волна дискуссий и обсуждений, их участники разбились на два лагеря – на правый и левый, но все (и правые и левые) сошлись на том, что НЭП нам не нужен, и мы фактически сорвали реализацию идеи госкапитализма, мы ушли от этого. Резоны были разные: левые – потому что они хотели возвращения к сталинскому социализму, а правые – потому что они были против регулирующей роли государства и хотели сразу перескочить в американский капитализм, шведский капитализм и т.п. Поэтому НЭП им всем был не нужен.

Через двенадцать лет разрухи, когда уполовинили экономику, порушили нравственность в стране, когда вся страна погрязла в коррупции и т.п., только пройдя через все эти бедствия и унижения, некоторые теперь снова возвращаются к идее НЭПа.

На днях я вдруг обнаружил, что слово НЭП стало снова модным. Его употребил даже доктор наук Мау, который, как известно, слыл и слывет абсолютным либералом. А вчера я получил журнал «Эксперт», в котором опубликована большая статья, которая обсуждает проблему НЭПа в сфере инноваций.

Как мы ни пытались убежать от этого НЭПа, мы все равно вынуждены вернуться к этой идее – в исковерканном, искаженном виде и т.д., но другого пути нет. Конечно, теперь развитый капиталистический мир уже начал потихонечку формировать информационно-технологический уклад и переходить от индустриальной к постиндустриальной эре. И с учетом этого мы уже, конечно, должны строить другие «мостки» - не те, которые Ленин имел в виду, - в рамках своего «догоняющего развития».

Я думаю, что жизнь заставит нас сделать это. Потому что иначе мы не выползем из того исторического тупика, в который стали вползать в конце 20-х годов.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Нодари Александрович. Слово предоставляется Аксютину Юрию Васильевичу.

Аксютин Ю.В. История составления и оглашения разоблачительного доклада Хрущева, несмотря на то, что немало было сделано для ее прояснения, все еще малодостоверна. Но появляются на свет божий новые воспоминания, открываются архивные тайны, опубликованы черновые протокольные записи заседаний Президиума Центрального Комитета КПСС. Они, а также рассекреченные материалы XX съезда, хранящиеся в Российском Государственном архиве новейшей истории, заставляют историков изменить свои многие представления, базировавшиеся на воспоминаниях одного кого-либо лица.

Первое, от чего приходится отказываться, - от мифа, будто ожесточенные споры из-за того, читать или не читать доклад о культе личности, велись чуть ли не в ходе всего съезда и протекали в комнате отдыха, где собирались члены Президиума ЦК в перерывах между его заседаниями.

Авторство этого мифа принадлежит самому Хрущеву. Такого рода утверждение можно обнаружить и в мемуарах Микояна. Теперь нельзя сомневаться в том, что принципиально этот вопрос был решен еще до съезда. 5 ноября 55-го года в Президиуме ЦК обсуждался вопрос о мероприятиях в связи с очередным днем рождения Сталина. Хрущев высказался за то, чтобы эту дату отмечать только в печати и обойтись без собраний в производственных коллективах. Ему возразил Л.М.Каганович, ссылаясь на существующее уже решение ЦК. Он настаивал на том, чтобы проводить собрания и на предприятиях. Отмечать сталинский день соответствующим образом предложил и К.Е.Ворошилов. «Народом будет воспринято

нехорошо, если не будем проводить собрания», - аргументировал он свою позицию.

Хрущева поддержали Н.А.Булганин и А.И.Микоян. Последний при этом сослался на то, что приходится устраивать и так много торжественных заседаний: годовщина Октября, годовщина Конституции. Можно ограничиться присуждением международной Сталинской премии. Да и то следует подумать: стоит ли? Ведь сталинские – есть, а ленинских – нет. Почему никто не ставит об этом вопрос? А торжественное собрание в честь Сталина есть отрывка культа личности.

«Меня атаковать с этих позиций нет оснований, - возмутился Каганович. – Я поддерживаю линию ЦК против культа личности. Я не мыслил, что Сталин выше Ленина. Расхождений у меня с тобой, товарищ Хрущев, нет. Я не намерен вести против тебя борьбу. Но есть оттенок».

Хрущев недовольно бурчал: «Кадры перебили, военные в том числе».

Присутствовавший на заседании Г.М.Маленков своего мнения не высказал. А В.М.Молотова не было: он участвовал на совещании министров иностранных дел «большой четверки» в Женеве.

В конце концов, решили в день рождения Сталина осветить его жизнедеятельность опубликованием статей в печати и в передачах по радио, приурочив к этой дате присуждение Международной сталинской премии. И только.

Вопросы, связанные с массовой реабилитацией, Хрущев поднял на заседании Президиума ЦК 31 декабря 55-го года. Судя по протокольной записи, никаких прений не было. Посмотреть все материалы о массовых репрессиях в 37-40-е годы поручили Комиссии в составе секретарей ЦК П.Н. Пospelова (в качестве председателя) и А.Б.Аристова, а также главы Комиссии партийного контроля Н.М.Шверника и его заместителя П.Т. Комарова. По долгу службы вошли в нее и генеральный прокурор Р.А.Руденко с председателем КГБ И.А.Серовым.

Комиссия принялась за поручение очень энергично. И по мере того, как в Президиум ЦК шла информация о собранных ею фактах. Все чаще вставал вопрос, что с нею делать. Принятое, в конце концов, решение доложить об этом съезду далось нелегко. В субботу 21 января Хрущев выступил в Большом Кремлевском дворце перед юношами и девушками, отличившимися на целине. Фотокорреспонденты зафиксировали присутствовавших в ложах на авансцене других членов Президиума ЦК и Секретарей ЦК. В понедельник 23 января все они плюс еще Шверник присутствовали там же на открытии очередной сессии Верховного Совета РСФСР. И то и другое мероприятия были довольно рутинными. Как часто в таких случаях бывало (Михаил Сергеевич не даст мне соврать): первые лица страны предпочитали коротать время, причем не только в перерывах между заседаниями, но и во время них, в комнате отдыха за авансценой. За чашкой чая обсуждали более насущные и злободневные вопросы.

Вот там-то, судя по всему, и разгорелись споры, вызванные предложением Хрущева использовать материалы комиссии Поспелова в отчетном докладе ЦК съезду. Споры, которые сам Хрущев в своих воспоминаниях неверно относит к более позднему времени, когда уже шел съезд.

1 февраля на заседание Президиума ЦК из тюрьмы доставили бывшего заместителя начальника следственной части по особым делам НКВД / МГБ Б.В.Родоса. После его допроса ни у кого уже не могло оставаться сомнений, если таковы и были, что репрессии и пытки – это не результат злой воли плохих чекистов, а заранее спланированное самим Сталиным и им же руководимое истребление не угодных ему людей.

«Виноваты повыше, - подавал то и дело реплики Хрущев. – Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин». «Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?» – спросил Аристов. «Лимиты на аресты утверждались им», - напомнил

Поспелов и подтвердил Серов. «Но Сталина как великого руководителя надо признать», - поспешил оговориться Молотов. Не преминул съязвить по этому поводу Микоян: «А ты, товарищ Молотов, поддерживал!»

«Нельзя в такой обстановке решать вопрос, - возмутился Каганович. – Нельзя так ставить. Многое пересмотреть можно, но тридцать лет Сталин стоял во главе».

Молотов продолжал настаивать на своем: «Нельзя в докладе не сказать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина». С ним опять не согласился Микоян: «Возьмите историю. С ума можно сойти». «Если верный факт, то разве это коммунизм?! - поддержал его М.З.Сабуров. – За это простить нельзя». «Сказать надо партии», - предложил Маленков. Его поддержал М.Г.Первухин: «Партия обязана объяснить, сказать и на пленуме и на съезде. Знали ли мы? Знали. Но был террор. Тогда не могли что-либо сделать».

Что партия должна знать правду – согласен бы вроде и Ворошилов: «Доля Сталина была? Была. Мерзостей много. Правильно говорится, товарищ Хрущев, не можем пройти. Но надо продумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное».

К нему присоединился Молотов: «Правду надо восстановить. Позорные дела – тоже факт. Но, правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. Да и неправильности надо соразмерить. Так что вряд ли успеем перед съездом сказать».

Подводя итоги прениям, Хрущев сказал: «Сталин – преданный делу социализма. Но всё варварскими способами! Он партию уничтожил. Не марксист он. Всё святое стёр, что есть в человеке. Всё своим капризам подчинял». И всё же с мнением Ворошилова и Молотова не говорить на съезде о терроре согласился, хотя и с немаловажной оговоркой: «Надо наметить линию – отвести Сталину своё место, почистить плакаты, литературу. Взять Маркса – Ленина. Усилить обстрел культа личности».

Однако в последовавшие за этим дни вопрос о оглашении на съезде данных комиссии Поспелова был решён всё же в положительном смысле. Договорённость об этом была официально оформлена на заседании Президиума ЦК 9 февраля после заслушивания очередного сообщения комиссии, в коем говорилось, что за годы массовых репрессий (1935 – 1940) «было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1.920.635 человек, из них расстреляно 688.503 человека».

Хрущёв стал убеждать своих коллег в необходимости рассказать всё делегатам съезда. И не только о репрессиях, но гораздо шире – о роли Сталина в их развязывании: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает? Надо проявить мужество, сказать правду... Если не сказать, то проявим нечестность по отношению к съезду». Признав, что следует продумать, как это сделать, он высказал мнение, что может быть поручить Поспелову составить доклад и выступить с ним на съезде, на заключительном его заседании, особое внимание при этом обратив на причинах культа личности – концентрации власти в одних руках, причём «в нечестных руках».

«На съезде надо сказать, - согласился вроде бы и Молотов. – Но не только это... 30 лет жили под руководством Сталина, индустриализацию провели, после Сталина вышли великой партией». Правильным назвал предложение заслушать доклад и Каганович: «Историю обманывать нельзя, факты не выкинешь... Мы несём ответственность... Но мы были бы нечестны, если бы сказали, что вся борьба с троцкизмом была не оправдана. Да, наряду с борьбой идейной шло истребление кадров. Но я согласен с товарищем Молотовым, чтобы провести с холодным умом, чтобы нам не развязать стихии. Редакцию доклада преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать».

Булганин, чтобы быть «ближе к правде», предложил разделить в докладе роль Сталина на два этапа: «На втором этапе Сталин перестал быть

марксистом». Как сказать об этом? Опираясь на неприятие марксизмом культа личности. И особо подчеркнуть, что нельзя приписывать Сталину все наши успехи.

Более основательно подготовить доклад призывал Ворошилов. Напомнив о многочисленных врагах (например, кронштадцы во время X съезда в 1921 году или «новая оппозиция» на XIУ съезде в 1925 году), он сказал: «Сталин осатанел в борьбе с врагами. Появились у него и звериные замашки. И тем не менее у него много было человеческого».

О том, как относиться к прошлому, говорил и Микоян. Развивая мысль Булганина о двух этапах, он уточнил их границу: «До 34-го года вёл себя героически, после показал ужасные вещи, узурпировал власть».

«В 36-м и 37-м годах сколько перебито кадров! – сетовал Суслов и указывал на отрицательное последствие этого. – Кривая с 36-го по 39-й даёт минимальные темпы... Надо делегатам рассказать всё. О коллективности руководства говорим, а со съездом будем темнить?»

Говоря об испытываемых им чувствах радости при оправдании ранее осуждённых товарищей, Маленков признал, что нельзя дать этому оправданию верного объяснения, не объясняя роли Сталина: «Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры. "Вождь" действительно был "дорогой"».

«Хотели сделать бога, а получился чёрт», - развил эту тему Аристов.

«Кошмар – три раза косили людей, - солидаризировался с ним Шверник. – Сейчас ЦК не может молчать, иначе – предоставить улице говорить».

«Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят, - возражал Сабуров против их попыток найти в деятельности вождя что-то положительное. – Это не недостатки, как говорит Каганович, а преступления». Что же касается указания Молотова на необходимость признать, что страна 30 лет жила и стала великой под руководством именно Сталина, то Сабуров обратил внимание на его известную роль в войне

(вернее, в её катастрофическом начале) и в обострении международного положения: «Мы потеряли многое из-за глупой политики, испортили отношения со всеми народами». И сослался при этом на вооружённый конфликт с Финляндией, выступление по поводу Черноморских проливов, осаду западного Берлина, войну в Корее.

Завершая дискуссию, Хрущёв констатировал: «Нет расхождений, что съезду надо сказать». Что же касается выявленных по этому поводу оттенков, то он высказался за то, чтобы их учитывать. К составлению доклада он считал нужным подключить всех секретарей ЦК, а вопрос о том, кто этот доклад будет делать на съезде, предложил обдумать.

Итак, возник вопрос, кто же сделает такой доклад? Хрущёв назвал Поспелова: ведь он председательствовал в комиссии, составил записку, которая и стала предметом обсуждения, пусть переделает ее в доклад и зачтёт на съезде. Ему стали возражать: по такому важному вопросу должен выступить не один из секретарей, а именно первый секретарь. Так как в отчетном докладе об этом нет ни слова, то не будет ли выступление Поспелова воспринято как свидетельство разногласий в руководстве? Как видим, пребывая в твердом убеждении, что не дело верховного органа партии знать (а, значит, и судить) о единстве мнений среди членов Президиума ЦК по отдельным вопросам, и, мало того, опасаясь любой утечки информации об этом, сами они, порою, оказывались из-за этого в настолько уязвимом положении, что принуждены были давать своё согласие на шаги, против которых решительно и категорически возражали.

Вполне возможно, что сказывался и дефицит времени, о котором упоминает Каганович: в Москве уже собирались делегаты съезда, а на последний свой пленум съезжались члены и кандидаты в члены ЦК КПСС. И на заседании Президиума ЦК 13 февраля докладчиком по вопросу о культе личности решено было сделать самого Хрущёва. На этом же заседании ему было поручено открыть пленум ЦК КПСС и внести на нём «предложение о

том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности». После чего все направились в зал, где собрались участники пленума.

Его открыл и председательствовал на нем Хрущев. Он же один и говорил. Правда, весьма коротко: «Нам нужно договориться насчет доклада. Президиум рассмотрел этот доклад и одобрил. Как члены пленума? Доклад идёт не от Президиума, а от пленума Центрального Комитета. Как, будет ли пленум заслушивать доклад?» Речь пока что шла об отчетном докладе, который, по идее, вроде бы должен был быть обсужден и одобрен Центральным Комитетом. Но намек был понят. И тут же раздались голоса: «Одобрить! Завтра услышим!» Хрущёв словно ждал эти реплики и сделал следующий вывод: «Тогда будем считать, что доклад принимается пленумом Центрального Комитета и поручается его сделать на съезде». Микоян подхватил: «Пленум доверяет рассмотрение доклада Президиуму ЦК».

Хрущев же продолжил своё выступление: «Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде партии, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет обсуждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?»

Возражений не последовало, после чего Хрущёв, объявив, что «все вопросы, которые следовало на нашем Пленуме решить, мы решили», объявил заседание закрытым.

Итак, вопрос, оглашать или нет доклад о культе личности, был к тому времени решен положительно. Решено также было, что сделает это сам Хрущев, но непременно на закрытом заседании, когда будут обсуждаться кандидатуры в ЦК следующего созыва. Это не значит вовсе, что на самом съезде, за его кулисами не было уже споров по другим, то же очень важным вопросам, связанным с конкретным содержанием доклада. Но, повторяем, самое главное уже было predetermined.

Дать генеральный бой теперь можно было, разве что развернув открытую полемику против всей новой “генеральной линии” на самом съезде. Между тем два из трех противников постановки вопроса о культе личности (Ворошилов и Каганович) никакой слабину в этой линии тогда не усматривали. Молотов же, по его собственному признанию, очень долго и с разных сторон обдумывал такую возможность, но не решился: «Не готова была партия к этому. Нас бы просто вышибли... Если бы мы встали, никто не поддержал бы. Нет, никто». Под словами “не готова была партия” Молотов подразумевал незыблемость ленинско-сталинского “демократического централизма”, безоглядную ориентацию на авторитет руководителя, вернее сакрализацию его поста, наконец, безоглядный страх перед расколом в партии. «В лучшем случае мог произойти раскол. Я этого тоже боялся».

14 февраля 1956 года в Большом Кремлевском дворце открылся **XX съезд Коммунистической партии Советского Союза**. К удивлению некоторых членов Президиума, в зачитанном Хрущевым отчетном докладе ЦК не оказалось слов о роли Сталина (“под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы”). Две недели назад, когда Президиум рассматривал и утверждал отчет, эти слова были, а теперь исчезли. “Началась новая линия - только осуждать Сталина”, - констатировал позже Молотов.

Во втором разделе отчетного доклада, посвященном внутреннему положению, Хрущев затронул вопрос о культе личности. «ЦК, - сказал он, -

решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс... Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе.

Тем, кто внимательно читал тогда партийную прессу, фразы эти были не в новинку. Однако на сей раз они были произнесены с трибуны съезда, что придавало им дополнительный вес. И хотя имя этой личности названо не было, вряд ли делегаты сомневались, кто подразумевался под «героем-чудотворцем».

Помимо осуждения культа личности в отчётном докладе ЦК содержались важные поправки во внешнеполитическую и идеологическую доктрины. Во-первых, было заявлено, что имеется реальная возможность избежать новой мировой войны. Во-вторых, было сказано, что на современном этапе революционный переход к социализму не обязательно связан с гражданской войной и что при определённых условиях коренные политические и экономические преобразования могут проводиться мирным путём. Наконец, сам приход рабочего класса к власти может быть осуществлён без вооружённого насилия, в конституционных рамках, используя парламент. Эти теоретические новшества открывали некоторые дополнительные возможности для борьбы за разрядку международной напряжённости. Хотя в недалёком прошлом они были бы заклеены как откровенный ревизионизм.

Однако на сей раз о готовящейся сенсации знало уже немалое число делегатов. Их к этому исподволь готовили. Уже на утреннем заседании съезда 16 февраля член Президиума ЦК и секретарь ЦК М.А.Суслов говорил о значительном ущербе, который наносили партийной работе теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда. Они не только «умоляли роль партии, принижали коллективное руководство», но

и «приводили к бесконтрольности и даже произволу в работе отдельных лиц» и «порождали односторонние, а подчас и ошибочные решения вопросов».

О том, что у партии в течение примерно 20 лет не было коллективного руководства, говорил в тот же день на вечернем заседании еще один член Президиума ЦК А.И.Микоян. Он же первым произнес имя Сталина в весьма критическом плане: известное высказывание автора “Экономических проблем социализма в СССР” о расколе мирового капиталистического рынка после войны и о том, что объем производства в США, Англии и Франции “будет сокращаться”, по мнению Микояна, «вряд ли может нам помочь и вряд ли является правильным». Открыто поставив под сомнение саму принадлежность этой, считавшейся “выдающейся”, работы к классическим трудам марксистской политэкономии, Микоян призвал и историков по-новому осветить многие факты и события, изложенные в сталинском “Кратком курсе истории ВКП(б)”. Он высмеял тех из них, кто те или иные повороты в революции и гражданской войне объяснял «якобы вредительской деятельностью отдельных тогдашних руководителей, много лет спустя после описываемых событий неправильно объявленных врагами народа». И пораженный этими словами зал услышал имена В.А.Антонова-Овсеенко и С.В.Косиора, причем названных «товарищами», что на партийном новоязе означало, что теперь их следует считать неправильно объявленными врагами народа.

В той или иной степени тему культа личности затронули Г.М.Маленков, С.Д.Игнатьев, бывший в 1951-1953 годах министром государственной безопасности СССР, О.В.Куусинен и даже Каганович с Молотовым. Последний в конце своей обширной речи, сказав, что ЦК «твердо выступил против чуждого марксизму-ленинизму культа личности, сыгравшего в определенный период такую отрицательную роль», под аплодисменты делегатов выразил уверенность в том, что «настоящий съезд полностью одобрит эту принципиальную установку». И лишь один председатель

Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов избежал упоминания и осуждения культа личности, ограничившись указанием на необходимость и впредь укреплять ленинский принцип коллективности в работе.

Между тем, 18 февраля Хрущеву представили первый вариант доклада о культе личности, завизированный секретарями ЦК Поспеловым и Аристовым. Взяв его за основу, он 19 февраля диктует стенографисткам свой вариант и рассылает его членам и кандидатам в члены президиума ЦК.

22 февраля состоялось еще одно заседание Президиума ЦК. Вообще-то оно не могло считаться правомочным, ибо ЦК, его президиум и секретариат с началом работы съезда как бы складывали свои полномочия до новых выборов, а все вопросы, которые могли возникнуть в это время, подлежали решению или самого съезда, или его президиума. Но что было, то было. Не Хрущев вводил подобные порядки. В описи № 10 (протоколы заседаний президиума ЦК КПСС 19-го созыва) фонда № 3 Российского государственного архива новейшей истории под № 226 значится протокол № 189 заседания президиума ЦК от 22 февраля 1956 года. Именно на этом заседании, вероятнее всего, и решались окончательно последние вопросы, связанные с предстоящим оглашением доклада о культе личности. И именно на нём, судя по всему, было решено зачитать этот доклад не во время обсуждения кандидатур в новый состав ЦК, а уже после выборов, перед закрытием съезда. Вполне возможно, что тогда же Хрущев сделал ещё одну уступку, обещав не ворошить дел, слушавшихся на открытых судебных процессах 1936-1938 годов. И тогда же было принято решение, о котором Молотов вспоминал на июньском пленуме ЦК 1957 года: члены Президиума ЦК выступать по этому вопросу не будут.

В свете всего вышеизложенного можно попытаться объяснить содержащиеся в воспоминаниях Хрущева, Кагановича, Микояна и Шепилова утверждения, будто вопрос об оглашении доклада о культе личности решался на самом съезде, о чём уже мною говорилось в начале. По-видимому,

сказалась аберрация памяти мемуаристов. Причем, двойная. Ведь споры начались 21 или 23 января и закончились 22 февраля в одном и том же помещении - комнате отдыха за авансценой зала заседаний Большого Кремлевского дворца. К тому же, между заседаниями Президиума ЦК 9 и 22 февраля не прошло и двух недель, на первом из них решали, оглашать доклад на съезде или нет, на втором - о чем конкретно говорить и когда именно. И там, и там спорили ожесточенно и при остром дефиците времени: в одном случае – перед приближавшемся съездом, в другом - в перерыве между его заседаниями. Разве не трудно было много лет спустя перепутать оба эти события, помнить о них, как об одном и том же?

Сохранилась в материалах съезда и записка, направленная Хрущеву 22 февраля, то есть в конце работы съезда, бывшим в 1949 – 1953 гг первым секретарём Ленинградского обкома партии В.М.Андриановым: «Никита Сергеевич! Убедительно прошу вас посоветовать, можно ли мне выступить на закрытом заседании съезда по вашему докладу о культуре личности и при этом... рассказать о Ленинградских делах в том виде, как я изложил на ваше имя в записке и в нескольких словах сказал, будучи у вас на приеме».

Стал доступным для исследователей и тот текст проекта доклада «О культуре личности и его последствиях», который Хрущев разослал членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК 23 февраля, то есть на следующий день после упомянутого заседания Президиума ЦК КПСС. Подробный анализ этого документа еще впереди, мы же сейчас ограничимся лишь несколькими замечаниями, связанными с внесенной в него правкой. Она довольно обширна и разнообразна, но сказать, кем именно она сделана, пока что затруднительно. Например, в экземпляре, посланном Суслову, имеются подчеркивания и поправки, сделанные разными карандашами - красным, синим, фиолетовым и простым. В этом экземпляре, помимо сугубо редакционной правки, есть и довольно любопытные пометы. Например, синим, красным и фиолетовым подчеркнуты места, где

рассказывалось об Эйхе, а тремя страницами ниже красным на полях начертано: «Вот и "отец родной"». Там, где говорилось о начале войны, синим отмечено: «Уроки на будущее». Синим же перед разделом о Ленинградском деле сделана надпись: «Попрание нац.прав народностей 1943-1944гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы». И синим же на полях заключительной части, где содержалось предупреждение о том, что «этот вопрос мы не можем вынести даже за пределы съезда, а тем более в печать», добавлено: «Не обнажать язвы перед обывателем». В экземпляре, посланном Шепилову, содержатся предложения к упоминанию о сидевших в тюрьмах Рокоссовском и Горбатове добавить имя Мерецкова, сказать, «что англичане (Черчилль) заранее нас предупреждали + советское посольство (Деканозов) в Германии тоже предупреждало о готовящейся войне», дополнить фразу о том, что не Сталин, а партия в целом обеспечила победу в войне, словами «о роли рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, женщин, молодежи - советского народа, тыла». И в том, и в другом экземплярах перечеркнуто следующее воспоминание Хрущева об одной из его встреч со Сталиным: «Каждый из членов Политбюро может многое рассказать о бесцеремонном обращении Сталина с членами Политбюро. Приведу вам такой, например, случай. Однажды незадолго до смерти Сталин вызвал к себе нескольких членов Политбюро. Мы явились к нему на дачу, начали обсуждать некоторые вопросы. Получилось так, что на столе против меня находилась большая кипа бумаг, которая закрывала меня от Сталина. Сталин с раздражением закричал: "Что Вы там сели, боитесь, что я Вас расстреляю? Не бойтесь, не расстреляю. Пересаживайтесь ближе". Вот вам отношение к членам Политбюро!»

А пока высшее партийное руководство изучало проект доклада, некоторые из делегатов, проведавшие, что скрывает эвфемизм "культ личности", поспешили предложить свои услуги. 24 февраля маршал А.И.Еременко посылает Хрущеву записку: «Если Вы будете в своем докладе

по особому вопросу касаться военных дел и если найдете нужным в той или иной степени коснуться Сталинградской битвы, то по этому вопросу докладываю настоящую справку». Суть ее заключалась в утверждениях, что решения Сталина по оперативно-организационным вопросам обороны города «чуть ли не привели к падению Сталинграда» и что «если бы был принят план Сталина по разгрому войск Майнштейна,.. то Майнштейн, безусловно, выполнил бы свою задачу и освободил бы окруженных».

В одной из папок, содержащей тексты и заготовки выступлений председательствующих на заседаниях съезда, имеется такой документ: «Объявить в конце утреннего заседания. "Сегодня в этом зале состоится заседание совета представителей делегаций. В 6 часов состоится закрытое вечернее заседание съезда. На этом заседании присутствуют делегаты с решающим и делегаты с совещательным голосом"». Документ этот не датирован, но, без всякого сомнения, относится к 24 февраля, когда состоялись выборы руководящих партийных органов.

Согласно стенограмме этого заседания, открывший его Хрущев предоставил слово Сулову, а тот, «по поручению совета делегаций», внес предложение увеличить количественный состав Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии для того, «чтобы усилить представительство союзных республик, а также целого ряда новых областей, созданных у нас в Российской Федерации в последнее время». Предложение это было одобрено. После этого Сулов зачитал списки кандидатур, выдвигаемых в члены ЦК (133 на 133 места), в кандидаты в члены ЦК (122 на 122 места) и в члены ЦРК (63 на 63 места). «Вот список названных товарищей, - подводит промежуточный итог Хрущев под аплодисменты присутствующих. - Будут ли отводы товарищам, названным в состав Центрального комитета? У кого?» Из зала раздалось: «Нет!» И снова бурные аплодисменты. «Отводов никто никому не дает, - констатировал Хрущев. - Будут ли дополнительно названы кандидатуры для голосования?» И опять

голоса из зала: «Нет!» Хрущев для проформы спрашивает еще раз: «Никто не назовет других кандидатов?» И в который раз слышит дружное «нет», после чего объявляет (разумеется, под “бурные, продолжительные аплодисменты”): «Тогда принимаются названные, выставленные кандидаты для голосования в состав Центрального комитета».

В тот же вечер, но уже после голосования, собралась счетная комиссия. Избрав своим председателем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Громова, она принялась считать бюллетени по выборам членов ЦК. Их было роздано 1.341, все они были опущены в урны и признаны действительными. Но только в 11 из них кандидаты оказались вычеркнутыми. По 1 голосу против получили секретари ЦК Хрущев и Аристов, первые секретари Московского горкома и Челябинского обкома Е.А.Фурцева и Н.В.Лаптев, а также маршалы И.С.Конев и Р.Я.Малиновский. Министр обороны маршал Г.К.Жуков получил 2 голоса против. А Маленков “схлопотал” 3.

Шпаргалка для председательствующего на следующем и тоже закрытом заседании съезда очень лапидарна: «25 февраля, утро. Председательствует тов. Булганин. Доклад т. Хрущева». Стенограмма этого заседания тоже довольно краткая и включает в себя вступительное слово Булганина, зачитанный им проект постановления съезда “О культе личности и его последствиях”, а также следующее пояснение: «Имеется в виду, что доклад тов. Хрущева Н.С. и принятое съездом постановление “О культе личности и его последствиях” не публикуются в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям».

Стенограмму предваряет текст самого доклада Хрущева “О культе личности и его последствиях”. С достаточной долей вероятности можно считать его первым экземпляром. Он без правки и пометок, если не считать трех вставок, касающихся предупреждений 1941 года из Лондона и Берлина о готовящейся войне, депортации кавказских народов в 1944 году и так

называемого “Ленинградского дела”. Текст этот идентичен тому, что был опубликован в 1989 году.

Возникает вопрос: как строго придерживался его Хрущёв? не отвлекался ли от него? не давал ли волю эмоциям? и что говорил, если его “заносило”? На этот вопрос могла бы ответить магнитофонная запись. Но, как утверждают архивисты, у них её нет.

Направляя 1 марта 1956 года членам и кандидатам в члены Президиума ЦК отредактированный текст своего доклада, Хрущёв сообщал, что, «если не будет замечаний по нему, он будет разослан партийным организациям». Замечания были. В текст вклеены машинописные вставки на отдельных листочках. Например, в разделе о методах работы НКВД с арестованными появляется фраза: «Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале)». Появились и вставки об отношении Сталина к Жукову, об одном приватном разговоре Хрущёва с Булганиным: «Вот иной раз ... сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут, или домой, или в тюрьму». Имеются и дополнения, внесенные аккуратным почерком чернилами или карандашом. Так, например, вставлено “прославившее” Хрущёва утверждение, что Сталин планировал фронтовые операции по глобусу: «Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта». Правда, не вся правка носила столь обличительный характер. Имелись вставки и иного плана, прямо скажем, - охранительного. Вот одна из них: «Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать пред ними наших язв». Но подобная оговорка скорее всего была уступкой первого секретаря ЦК его более осторожным и более осмотрительным коллегам, она ни в коем случае не отражала его тогдашних настроений: если бы это было не так, ему пришлось бы вычеркнуть значительную часть своего доклада.

Вот все, что я считал нужным сказать о предмете нашего сегодняшнего обсуждения в справочном порядке. Что же касается

развернувшейся в этом зале и за его пределами дискуссии о значении доклада Хрущёва о культе личности и его последствиях, произнесённого на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года, то я поддерживаю мнение тех, кто считает это событие поворотным в истории СССР, хотя и не очень-то склонен расставлять в качестве его оценки плюсы или минусы. Любая революция, если она не является простым политическим переворотом, а носит массовый характер и глубоко переворачивает социально-экономические основы общества, заканчивается контрреволюцией, которую я бы не стал смешивать с реакцией, с возвращением к прошлому.

Да, Хрущёв был коммунистом и верил в скорое наступление общества всеобщего благоденствия. Он отнюдь не был миротворцем ни в смысле борьбы с мировым капитализмом, ни в смысле борьбы с противниками нового строя внутри страны. Но он никак не мог взять в толк, зачем вождю понадобилось уничтожать революционную гвардию и не мог этого ему простить. Мало того, он искренне полагал, что разоблачение сталинских преступлений не только гарантирует от повторения нечто подобного в будущем, но и способствует очищению самой системы от всего наносного, от всего, что ему казалось чуждым, противным этой системе. В этом и заключалась его основная ошибка. Система, основанная на насилии и культе вождя, теряет свою динамичность и действенность, лишаясь этих опор. Вот почему Хрущёв, сам того не желая, совершил страшный, с точки зрения правоверного коммуниста, грех, сняв первые печати с книги, которую, говоря языком «Откровения», никто до него не мог ни раскрыть, ни посмотреть в неё. И вот появился «конь бледный с всадником, имя коему «Смерть», и возопили души убиенных громким голосом: «Доколе, владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Этот вопль свидетельствовал о кризисе веры в справедливость и о расколе прежде монолитного единства.

А когда вы, Михаил Сергеевич, чтобы придать социализму человеческое лицо, сняли с этой книги последние печати, то семь ангелов, имеющих семь труб, востурбили о близящемся конце света: отворился кладязь бездны и оттуда в дыму, помрачившем солнце и воздух, вышла саранча, «и дана была ей власть. какую имеют земные скорпионы». Но система оказалась не реформируемой и рухнула. Так что до появления седьмого ангела, долженствовавшего вогласить, «что времени уже не будет», дело не дошло.

Внешним проявлением катастрофы 1991 года было противостояние центра и регионов, Горбачёва и Ельцина. В этом противостоянии лично я, находясь во власти многих иллюзий находился на вашей стороне, Михаил Сергеевич, и партийный билет не сдавал и не выкидывал. Но сейчас, как мне кажется, способен более трезво смотреть, если на наше будущее, то на наши последние 50 лет. И в этом взгляде в прошлое нет ни слепой ненависти к Сталину, ни всепрощающей любви к Хрущёву, ни брезгливой пренебрежительности к Брежневу. Да и в отношении к Ленину, я, продолжая считать его самым великим политическим деятелем столетия, склонен согласиться с мнением одного древнего китайского мудреца о том. Что великий человек является бедствием для этноса, для цивилизации.

Горбачев М.С. Везучий человек.

Аксютин Ю.В. В старые времена, когда была борьба между Горбачевым и Ельциным, я себя относил к горбачевистам. И сейчас – тоже.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Юрий Васильевич. Слово Григорию Соломоновичу Померанцу.

Померанц Г.С. Одним из решений XX съезда было создание Комиссии Шверника. В этой комиссии был Шверник – по отзывам Ольги Григорьевны Шатуновской, человек доброжелательный, но слабовольный, мягкий и ничего не решавший. Затем – Руденко – Генеральный прокурор, Шелепин – Председатель КГБ, Миронов – один из зав.отделов ЦК и бывшая каторжница.

В 54-м году Хрущев получил от нее записку: «Никита Сергеевич, Вы сами знаете, что я не враг народа». И подпись: Шатуновская. Она наотрез отказалась о чем бы то ни было просить. Характер у нее был сильный. Но Хрущеву именно такая и была нужна, чтобы проводить реабилитацию. Он сознательно ее и еще одну каторжницу Пикину выбрал для этой цели и ввел в Комиссию партийного контроля. Иначе никакой реабилитации не было бы, а была бы одна видимость.

Но Пикина вела себя примерно в рамках своей должности. А Шатуновская – бывшая легендарная фигура Бакинской коммуны и Бакинского подполья – была человеком с характером. И она начала с того, что отказалась от «пакета». Что такое «пакет» - может быть, молодежь не знает. Это партийный черный нал, который не облагался налогами и не входил в исчисление партийных взносов. Она отказалась взять это, позвонила Хрущеву и сказала, что отказывается и настаивает на том, что это должно быть немедленно отменено. И Хрущев отменил этот черный нал. Это была одной из причин, почему Ольгу Григорьевну очень ненавидели ее коллеги.

Второе дело, которое она сумела провести (это не ее решение, но надо было провести) – ввести в комиссии, которые разъехались по лагерям, бывших зеков, которых недавно отпустили и которые знали всё что по чем. Это вызвало сильное сопротивление. И говорили, что они все отказались. Она людей поименно вызвала и проверила, что они не отказались. Благодаря поддержке Хрущева и Микояна это все прошло.

Третьим решением, еще до XX съезда, была отмена такой меры наказания, как бессрочная ссылка. Правда, ей какой-то юрист подсказал, что такой меры ни в одном кодексе союзных республик нет. И она провела это решение через Политбюро. Но Маленков негласно дал распоряжение положить это решение под сукно. И Ольге Григорьевне звонили с мест, откуда она только что приехала, что решение не выполняется. Когда она

сказала об этом Микояну – своему старому другу по Баку, он сказал: «Ты с ума сошла. Этого не может быть. Каждое решение Политбюро на другой день становится государственным законом». Но когда он сам позвонил в Президиум Верховного Совета, там ему сказали, что так оно и есть.

Микоян доложил Хрущеву. Хрущев тоже сказал: «Ты с ума сошел. Этого не может быть». Но оказалось: так оно и есть. Он, конечно, рассвирепел, сняв с работы человека (не помню фамилию), который фактически руководил Президиумом. И решение получило силу закона.

По этому закону вернулись Олег Волков, Ариадна Сергеевна Эфрон-Цветаева, Наталья Алексеевна Рыкова. Сейчас вспоминаю те фамилии, которые на слуху. И тысячи, тысячи других. И на месте уже добивались реабилитации.

Именно поэтому за ее сильный характер ее включили в комиссию Шверника. И она, конечно, там одна и работала. Я с ней был знаком, по крайней мере, двадцать лет и вполне ей доверяю. Остальным она просто докладывала то, что нашла. Она начала с того, что прямо после XX съезда, используя чувство шока, который у многих вызвал XX съезд, зашла в архив Сталина и обратилась к заведующему архивом с тем, что он обязан ей помочь. А она была женщиной, которая привыкла повелевать с юности, потому что была хорошо собой, а потом благодаря своей энергии, бесстрашию и хвосту легенды, который за ней шел в Баку. Я помню ее в старости. У нее была большая воля.

Заведующий архивом помолчал-помолчал, но, по-видимому, покорился. Повторю: надо учесть шок, который вызвал XX съезд во многих сознаниях. И заведующий выдал ей два документа: список ленинградского террористического центра и список московского террористического центра. Оба документа составлены рукой Сталина. Сталин сначала занес Каменева и Зиновьева в ленинградский террористический центр, а потом зачеркнул и

перенес в московский, то есть не на немедленный расстрел, а сначала с них еще что-то вытянуть.

Надо было выяснить, как эти списки составлялись. Она поехала со своим мандатом в Ленинград. И бывшие сержанты архива (офицеров там расстреляли, но сержанты остались), рассказали ей, что Сталин взял в руки картотеку и на удачу выбирал карточки и по ним составлял состав центров.

Оставалось еще выяснить, по каким мотивам Леонид Николаев убил Кирова. А тут ей помог Опарин – директор завода в Московской области, который знал ее по работе в промышленном отделе МК. Он сам к ней пришел и рассказал, что его друг по фронту Пальгов – бывший прокурор Ленинградской области, - присутствующий при допросе, рассказал ему, как было дело. Потом через несколько дней он покончил собой, зная, что его и всех присутствующих при этой сцене все равно расстреляют. И действительно они все были расстреляны, никого не оставили в живых.

Но Пальгов был один из тех, который успел...

Горбачев М.С. Как и делегаты ХУП съезда.

Померанц Г.С. Делегаты не все были расстреляны. А здесь – 100 процентов тех, кто присутствовал при допросе. Дело было так. Леонид Николаев встал на колени и кричал: «Они же сами (показывая на НКВДэшников), они же сами четыре месяца уламывали». Потом многие доказывали, что у него были личные мотивы. Но какие бы ни были личные мотивы, убивать Кирова по этим личным мотивам он не собирался, его уламывали. И он стоя на коленях кричал об этом.

И когда я об этом рассказывал своему знакомому Владимиру Ильичу Илюшенко, он продолжил: «И Сталин кавказским сапожком ему в рыло». Я спрашиваю: «А откуда Вы знаете?» - «А мой отец был следователем. Его самого потом арестовали, избивали, но он уцелел». А среди присутствующих при допросе был человек (фамилию не запомнил), который знал и успел

рассказать Илюшенко, а Илюшенко – сыну. Так что, как говорят мусульмане, еще один иснад: один сказал другому, другой сказал третьему.

Но Ольга Григорьевна не удовлетворилась показанием Опарина. Она поехала в Ленинград, стала допрашивать подряд старых большевиков. И Дмитриев показал ей, что второй секретарь Ленинградского обкома Чуднов показал ей то же самое, что показывал Опарин. Причем они друг с другом не были знакомы. Оба дали письменные показания, заверенные и т.д. Так что было ясно: Киров был заказан.

Оставалось выяснить, почему он был заказан. Ольга Григорьевна была делегатом с гостевым билетом на XVIII съезде. Она слышала, что во всех углах шли оппозиционные разговоры. Говорили о массовой смертности. Миллионы людей умирали. Падеж скота. Подрыв сельского хозяйства. И вдруг всего три человека проголосовало при тайном голосовании против Сталина.

Она пошла в Институт Маркса-Энгельса-Ленина, взяла бюллетени, посчитала: не хватало 289 бюллетеней.

Ольга Григорьевна стала искать уцелевших членов Счетной комиссии. Было 60 человек. Уцелело два. Наполеон Андреасян (несмотря на свое великолепное имя) был испуган до того, что ничего не помнил, ничего не знал. А Верховых (был, кажется, тульским секретарем и председателем этой Комиссии) сказал: «Когда мы все сложили и подсчитали, оказалось, что 292 человека вычеркнули фамилию Сталина. Я в ужасе пошлее к Когановичу. Коганович вместе со мной пошел к Сталину. Сталин спросил: «А сколько проголосовало против Кирова?» - «Трое». «Напишите мне – три, а остальные бюллетени сожгите». И Лазарь Моисеевич их сам аккуратненько сжег.

Теперь выяснилось, почему именно Кирова. Оказалось, что в дни съезда на квартире Орджоникидзе было организовано совещание, на котором присутствовали Киров, Косиор, Шеболдаев и еще несколько старых большевиков. На этом совещании Орджоникидзе поставил вопрос: надо бы

воспользоваться голосованием, чтобы заставить Сталина сойти с первого места. Он человек очень энергичный, его надо использовать. Пусть он будет предсовнаркома, а первым секретарем он предложил назначить Кирова. Киров отказался. Он не решался взять на себя политическую игру с Гитлером, который уже был у власти.

Но Сталин обо всем этом узнал, вызвал к себе Кирова. У них был разговор достаточно вежливый. Но Киров понимал, говорил своим друзьям: «Моя голова лежит на плахе».

Сталин, очевидно, принял решение. Если 292 человека решили, хоть при тайном голосовании, вычеркнуть его, то, наверное, хотели вычеркнуть, но не решились, еще больше. Это, конечно, моя гипотеза, но таковы результаты большого террора: он, собственно, решил не искать виноватых, а ликвидировать как класс всех старых работников, которые помнили его еще маленьким Сталиным, а не Богом.

И, собственно говоря, он проводил эту работу, как коллективизацию. Давалась разнарядка: столько-то человек расстрелять, столько-то человек арестовать. И органы безопасности этим занимались. Причем органы безопасности для этой цели были выведены из-под контроля обкомов и партийных организаций. То есть партия как труп тогда лежала перед органами безопасности.

В заключение он перебил 80 процентов генералов, обезглавил нашу армию. А дальше уже начинается ошибка товарища Гитлера. Он решил, что справиться в два месяца с обезглавленной армией. И не обеспечил армию теплой одеждой. Сказать, что Сталин победил... Он сделал все, чтобы мы потерпели поражение, кроме некоторых деталей. Но благодаря Гитлеру, который тоже небезгрешен, и благодаря тому, что наши солдаты и офицеры продолжали драться в безнадежном положении...

Мы тогда широко тиражировали объяснение Геббельса, почему не удалось в России, как во Франции. Геббельс написал:

«Высокоорганизованный организм можно убить одним ударом в голову. А червя приходится разрезать на много частей, они продолжают извиваться». Вот после того, как стали извиваться подмороженные немцы под Москвой, это высказывание Геббельса было широко тиражировано. Именно это извивание червя, то есть в безнадежном положении сопротивление наших уцелевших офицеров, генералов и солдат, дало возможность остановить немцев вместе с русской зимой и потом постепенно сделать то, что было в «Вольном слове Фомы Смыслова – русского бывалого солдата»: «Немцы нас научат воевать, а мы их отучим»,

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Григорий Соломонович. Слово предоставляется Зоре Леонидовне Серебряковой.

Серебрякова З.Л.

После смерти Сталина в 1953 году бериевская амнистия освобождала из заключения почти исключительно уголовных – по 58 статье только тех, кто был заключен на срок не более 5 лет. Тем самым амнистия не распространялась на 500 тысяч заключенных находившихся в спец. лагерях и сотни тысяч других категорий политических.

Все разительно переменялось после прихода к руководству в стране Никиты Сергеевича Хрущева.

Летом 1955 года я уже была освобождена и смогла навестить своих близких, все еще находящихся в лагерях. Сейчас трудно представить какое тогда царило там праздничное оживление – из широко раскрываемых ворот выходили «на волю» те, кто совсем недавно существовали с клеймом «врага народа».

Однако то были лишь десятки, сотни, тысячи людей – реабилитированных было и того меньше. Поэтому-то так важно, так значительно стало то, что вскоре произошло на XX съезде КПСС. Сколько бы ни минуло лет, я не могу забыть то радостное потрясение, которое

испытала от известия о докладе Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 года на закрытом заседании съезда.

Назван был Сталин – главный виновник кровавых преступлений его тоталитарного режима. В.И. Ленин и ленинские принципы были четко и убедительно отделены от сталинизма. Стало очевидным, что отныне освобождение из сталинских застенков станет всеобщим.

Так и произошло, - для примера – моя мама и муж сразу же после XX съезда были реабилитированы и смогли вернуться в Москву. Подобное чудо происходило тогда повсюду в нашей стране. Кстати, реабилитированным не только вручалась официальная справка, подтверждающая невиновность подчас в чудовищных преступлениях, но и давалась возможность начать новую жизнь, получив бесплатное жилье и работу по специальности.

Казалось – невозможно не приветствовать подобное возвращение к истокам демократии и гуманизма и, однако, не только бывшие приспешники Сталина и явные сталинисты, но и некоторые порой совершенно неожиданные люди, не поддержали решения XX съезда.

На партийном собрании теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР младший научный сотрудник Ю.Ф. Орлов с явной издевкой говорил о том, что доклад о культе личности не обсуждался, мол, на съезде, и далее «У нас ... власть принадлежит какой-то кучке проходимцев».

Ни одного доброго слова благодарности за правду, сказанную о страданиях, гибели сотен тысяч, миллионов людей, ни единого слова порицания тирана сказано не было.

Останавливаюсь на этом выступлении потому, что, очевидно, тот самый Юрий Орлов ныне уже из Америки высказывается в том же духе. Якобы в 1956-1958 годах происходило не массовое освобождение, не наносился удар по ГУЛАГу, а кого-то арестовывали и к людям вновь возвращался страх.

Не все помнят и знают, но я утверждаю – для оттепели особенно характерно было именно исчезновение страха.

Прошли многие годы после доклада Хрущева, но до сих пор не потеряла актуальность ни общая оценка Сталина и сталинщины, ни отдельные положения доклада. Слова о том, что «Есть основания думать, что убийце Кирова – Николаеву кто-то помогал из людей обязанных охранять Кирова»³ подкреплены сейчас весомыми документальными данными. Тщетны попытки некоторых использовать иные версии, чтобы только обелить тирана.

Н.С. Хрущеву приходилось преодолевать сопротивление политике XX съезда и в самом Президиуме ЦК. Группа, возглавляемая Молотовым, в комиссии по изучению материалов так называемых московских открытых процессов, в декабре 1956 года доложила руководству, что осужденные на этих процессах хотя и не совершали уголовных преступлений и их обвинения были сфальсифицированы, однако, 16 наиболее видных деятелей партии: Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и среди них – Л.П. Серебряков и Г.Я. Сокольников не подлежат реабилитации.

Вскоре Хрущев пережил и организованную попытку сместить его с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Неоднократно возникали у Никиты Сергеевича сложности во взаимоотношениях с интеллигенцией. Однако, несмотря на отдельные отступления, общая линия на ослабление тоталитаризма продолжалась.

Особым событием явился XXII съезд КПСС, вынос Сталина из мавзолея. Делегаты приветствовали решения съезда, но продолжающаяся десталинизация напугала бывших приближенных Сталина. Они опасались раскрытия исторической правды, знали, что в сталинских преступлениях вновь разбирается специальная комиссия, что к пересмотру дел погибших лидеров партии подключена комиссия Партийного Контроля.

Думается, что именно после XXII съезда начал зреть заговор против Хрущева. 19 июля 1963 года на приеме в честь Венгерской делегации Н.С. Хрущев вновь говорил о зле совершенным Сталиным, о роли XX съезда. Очевидно, Хрущев настолько верил в свою правоту что, не предпринимая никаких специальных мер, в канун осени 1964 года он уехал отдыхать в Пицунду.

Заговорщики, воспользовавшись его отъездом, подготовили снятие Н.С. Хрущева со всех постов на октябрьском пленуме ЦК. Выступая с обвинениями в волюнтаризме и прочих подобных «грехах» и проступках, они не упоминали истинной причины своих противоправных действий – стремления не допустить дальнейшего движения страны по пути XX съезда.

Прошли десятилетия... С весны 1985 года Михаил Сергеевич Горбачев продолжил и завершил дело, начатое в феврале 1956 года.

Безусловно не правы те, кто говорит и пишет, что первые годы перестройки были репрессивные. При этом указываются какие-то аресты и особенно антиалкогольная компания. Во внимание не принимается мнение ученых, доказавших, что тогда был спасен миллион человеческих жизней, а средняя ее продолжительность заметно увеличилась.

То была пора надежд и оптимизма, и не под чьим-то давлением М.С. Горбачевым было восстановлено магистральное направление XX съезда. С 1986 года Михаилом Сергеевичем была продолжена реабилитация ближайших соратников В.И. Ленина и других невинно осужденных.

Вопреки фактам, существует миф о том, что основная заслуга в пересмотре дел репрессированных будто бы принадлежит А. Н. Яковлеву. Кстати, в таком ключе составлен недавно опубликованный, охватывающий весь период перестройки третий том в целом содержательной и интересной документальной серии «Реабилитация: Как это было.»

Вот один из примеров: о реабилитациях 1986 года, т.е. того времени, когда М.С. Горбачевым, было, положено начало восстановления добрых

имен лидеров антисталинских оппозиций, вообще не упоминается, - тем самым исходные данные произвольно отодвигаются на более поздний срок.

Вместе с тем в третьем томе есть красноречивый завершающий всю книгу документ – Письмо Президента СССР о реабилитации лиц, репрессированных в 30-е – 50-е годы, т.е. во времена сталинского террора.

«Ранее вся эта большая и важная работа координировалась Комиссией Политбюро ЦК КПСС. Сейчас ее деятельность прекращена, - писал М.С. Горбачев.» Далее он указывал, что считает целесообразным продолжить эту работу. Мы видим один из последних документов, подписанных Президентом СССР Михаилом Горбачевым. Дата – конец декабря 1991 года – говорит сама за себя.

Весь опыт оттепели и особенно перестройки опровергает рассуждения о якобы безнравственности политики. Как бы ни расценивать роль личности в истории, нельзя не признать, что человеческие черты будь то Первого секретаря ЦК партии или Президента страны во многом определяют, окрашивают в те или иные тона время его руководства.

Мужество, решительность в изменении тоталитарных основ в жизни общества всегда будут вызывать заслуженное уважение. Наша память должна хранить признательность Никите Сергеевичу Хрущеву и огромную благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву за осуществление той политики, в которой XX съезд является важной вехой.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Зоря Леонидовна. Зоря Леонидовна, конечно, оказалась не только превосходным историком, но и тонким политиком. Как только она исчерпала свой регламент, стала хвалить Михаила Сергеевича.

Серебрякова З.Л. Мой отец, который вошел в число шестнадцати, которые никогда не должны были быть реабилитированы, был реабилитирован именно Михаилом Сергеевичем Горбачевым в 86-м году.

Этот год не вошел в книгу, в третий том реабилитации. Об этом ничего не сказано.

Я считаю своим долгом еще раз поблагодарить.

Горбачев М.С. Яковлев очень много сделал. Он был Председателем Комиссии. Но опять прикрыли Комиссию.

Кувалдин В.Б. Слово предоставляется Водолазову Григорию Григорьевичу.

Водолазов Г.Г. Уважаемые коллеги! Я хочу начать вот с чего: вызвать в вашем воображении художественный образ XX съезда и Никиты Сергеевича Хрущева, созданный Эрнстом Неизвестным. Это - сочетание черных и белых тонов. Я не подсчитывал их пропорцию у Неизвестного, что преобладает в памятнике Хрущеву. Но думаю, это и неважно. Важна сама идея – сочетание черного и белого. И еще очень важно, что это сочетание заканчивается памятником, а не могилой, сровненной с землей.

Я хотел бы дать некий политико-философский эквивалент этому образу. Мой образ – это качающиеся чаши весов: черная и белая. И я кладу на черную и белую чаши определенные материалы и смотрю, куда и почему, клонятся на этих весах чаши.

Что же на черной чаше? На ней - очень серьезные вещи. Прежде всего это несломленная и даже не надломленная, а сохраненная бюрократическая система – социальная и политическая (правда, освобожденная от крайностей сталинистской формы). Вот что на этой черной чаше.

Не случайно Никита Сергеевич однажды сказал как раз в период кануна XX съезда: «Сталин предан делу социализма, но всё - варварскими методами». Вот и решалась задача: отказаться от варварских методов, преодолеть те кризисные явления, к которым привело эту систему сталинское руководство.

Ведь, к 1953 году сталинский вариант этой системы трещал по всем швам – и в экономической, и политической, и культурной сферах.

Так, в экономике перестала эффективно работать система директивного планирования. Ибо шедшие в центр с мест сообщения об успешном выполнении и перевыполнении планов оказывались на деле ложью («очковтирательством», как это стали называть впоследствии). И понятно – почему: ведь, успешные рапорты для чиновников всех уровней были условием их движения вверх по бюрократической вертикали. И приходилось планировать, исходя из совершенно нереальной ситуации, ставя всё более высокие и всё более невыполнимые задачи. В итоге разрыв между реальным положением дел и их отражением в статистике с каждым годом нарастал в геометрической прогрессии. И к 1953 году достиг катастрофических размеров, что было вскоре после смерти Сталина зафиксировано сентябрьским Пленумом ЦК 1953 года: реальные данные по сельскому хозяйству были в разы меньше приводимых в официальных документах. Так же обстояло дело и с «уровнем жизни». Официально представляемый мир – это мир «Кубанских казаков», мир изобилия и довольства, в котором, согласно знаменитой сталинской формуле, «жить стало лучше, жить стало веселее». А реальность – в сказанных накануне XX съезда словах Хрущева: «Я при царизме, будучи шахтером, пил молока, сколько хотел. А сейчас достать кружку молока – проблема».

Политическое руководство сталинской эпохи жило в иллюзорном, ложном мире и решения поэтому принимало, совершенно не соответствующие реальным возможностям. Хрущев рассказывал, как они с Микояном, исходя из реального положения дел, предлагали Сталину (в последние годы его жизни) ограничить налог на крестьянство 6-7 миллиардами рублей – большой налог губителен для крестьянских хозяйств. А Сталин, размахивая ложными рапортами, определял: «40 миллиардов! А вы – псевдогуманисты, сродни народникам и эсерам», в общем – враги. «Когда мы от Сталина вышли, - вспоминал Хрущев, - я сказал Микояну:

«Нас спасет только, если крестьянство не восстанет». Если бы Сталин не умер, не знаю, чем бы всё это кончилось».

От экономического краха страну спасла смерть Сталина. И Хрущев на сентябрьском Пленуме видит выход в том, чтобы сказать правду о положении дел в экономике, привести в соответствие статистику и реальность. И начать **реальное** планирование.

Разрастался и кризис в кадровой политике. Я помню, как в начале 60-х годов у нас в «Известиях» (где я тогда – при Аджубее – работал) один очень высокопоставленный чиновник делился с нами, журналистами: «В начале 50-х годов стало невозможно находить кандидатов на руководящие должности: у подавляющего большинства возможных кандидатов оказывались «подмоченными» анкетные данные – у них родственники находились то ли в лагерях, то ли в ссылках, то ли в оккупации побывали. С такими анкетами тогда на высокие посты назначать было не принято. И возникла необходимость списать этот анкетный компромат, перестать обращать на него внимание». После смерти Сталина эти анкетные проблемы были устранены – появилась возможность подбирать кадры не на основе анкет, разработанных в ведомстве Берии, а в соответствии с компетенцией и профессионализмом кандидатов.

Систему, сложившуюся при Сталине, губила ее негибкость, жесткая бюрократическая иерархия, сламливающая всякую инициативу, идущую снизу. Всё – только сверху вниз. При Хрущеве и решалась задача – избавить систему от разрушающих ее крайностей, от варварских форм и найти новые формы деятельности, которые способны придать этой системе большую подвижность и гибкость, большой динамизм, и тем - продлить ее жизнь. Отсюда – рождение новых, более гибких форм: система совнархозов (передвигающая акцент хозяйственной деятельности от центральных министерств в регионы – ближе к жизни, ближе к реальности), разделение партийных органов на сельскохозяйственные и промышленные – с той же

целью, расширение сферы и форм «общественного контроля», повышение роли общественных депутатских комиссий, создание народных дружин. Была заметна большая открытость политических лидеров. Иные сетовали: вот-де Хрущев «много болтает», чуть ли не каждый день выходят целые простыни газет с его бесконечными речами. Да, и слава богу! После сурового немногословия Сталина и Молотова, после закулисья Берии открытость лидеров, пусть с некоторым перебором, но демократизировала общественную жизнь, придавала ей, что называется, человеческий облик.

Но все эти нововведения шли в русле и рамках прежней системы. Они лишь смягчали ее кризисные черты, придавали ей большую гибкость и жизнестойкость. Скажу больше и резче: Хрущев не ломал ту систему, он спасал ее. А в основе своей система оставалась прежней: по-прежнему партийно-государственная номенклатура заведовала всеми участками общественной жизни, по-прежнему это была её диктатура, по-прежнему отсутствовал действенный, реальный контроль народа за её деятельностью. И по-прежнему чиновничий аппарат полностью отвечал тому образу, который еще в прошлом нарисовал Михайловский: «Русская бюрократическая лестница, если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница бар, если смотреть на нее сверху вниз – нисходящая лестница лакеев». Вот эти барелакееи и продолжали занимать ступени на бюрократической лестнице.

И система эта уже во второй половине 50-х годов стала сводить на нет некоторые элементы демократии, что были инициированы Хрущевым и XX съездом. Она отторгала их, активно и быстро возвращалась к прежней своей сути.

Восстанавливался прежний механизм движения вверх по чиновной лестнице: успешные рапорты. Начинался этап новой лжи и очковтирательства. Рязанский партийный вождь Ларионов рапортует о выполнении за год трех (!) планов по животноводству, тульский секретарь обкома Хворостухин – о выполнении двух планов. И пошло, поехало... И

снова – растущие ножницы придуманного мира и реального, снова план теряет свой конструктивный характер, снова запутываются связи на всем пространстве экономической жизни. И снова кризис экономики и потребления. Снова – огромные очереди за хлебом, снова – быстро пустеющие полки магазинов.

И снова воспроизводятся методы командно-бюрократического отношения политических руководителей ко всем сферам общественной жизни.

К ученым – опять отношение как к «челяди», обслуживающей политиков. Руководящие политики влезают в пространство научных дискуссий, в которых мало что смыслят, и ретиво поддерживают тех, кто особенно лоялен к партийным бонзам. Снова, как и при Сталине, на коне авантюрист Лысенко, в общественной науке царят сталинские соколы – Федосеев и Константинов.

В отношении к искусству возрождаются ждановские методы – шельмование и преследование неудобных партийным верхам писателей, художников, композиторов. Дудинцева – в порошок, за его «Не хлебом единым», Вознесенскому публично предлагается взять иностранный паспорт и катиться из страны на все четыре стороны, бульдозером - по выставкам неудобных художников, Пастернака за «Доктора Живаго» травят похлеще, чем Ахматову и Зощенко в 40-е годы.

И, конечно же, быстро формируется новый культ – уже самого «нашего дорогого Никиты Сергеевича». И – репрессии – по отношению к инакомыслящим. Апофеоз – расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске.

В общем, - серьезный груз на этой, черной, чаше. И давит, и тянет она с большой силой вниз.

А что же на другой, на белой?

Первое и главное: Хрущев и XX съезд распахнули двери лагерей и тюрем, вернули родителей к детям и детей к родителям, восстановили честь и достоинство оболганных и униженных людей.

Даже если было бы только это, - на моих весах белая чаша перевесила бы всё, что лежит на черной. XX съезд был единственным из всех съездов (после Ленина), где зримо присутствовала гуманистическая тенденция. Это была не обычная для съездов КПСС лицемерная болтовня о том, что у нас – «всё для человека, всё для его блага». XX съезд не просто провозгласил, он **сделал** «для человека», «для блага людей» нечто очень осязаемое и реальное. И потому его можно назвать **съездом реального гуманизма**.

Эти тысячи и тысячи (а с членами семей – миллионы) возвращенных к нормальной жизни людей не могут не быть благодарны Никите Хрущеву. Да, Хрущев в сталинские времена и сам принимал – и весьма активное – участие в жестоких репрессиях. Он сильно грешен. Но это – проблема его судьбы и его совести. Для тех же, кто вышел на свободу из-за колючей проволоки, не так важна прошлая жизнь освободившего их человека.

Но я бы еще отметил, что доклад Хрущева можно назвать формой его личного покаяния, покаяния не словом, а ДЕЛОМ.

И отдадим должное его мужеству. Он – единственный из высшего руководства партии, кто решился на такого рода доклад, на такой шаг, и, между прочим, - против воли абсолютного большинства Президиума ЦК. Это был поистине **революционный** шаг.

И последующие критики Хрущева в брежневскую (да и нынешнюю) эпоху хают его отнюдь не за то, что он был недостаточно демократичен, что пытался авторитарно-административными мерами осуществлять демократизацию, что на его совести участие в репрессиях, а как раз за лучшее в нем – за критику сталинизма, за милосердие к раздавленным сталинизмом людям.

Но не только это на белой чаше весов. Хрущев имел мужество назвать одного из величайших политических злодеев в истории злодеем и разрушить широко распространенную легенду о величии и безгрешности «вождя народов». Он так долбанул об пол псевдохрустальную вазу с именем «Сталин», что сколько потом не пытались собрать, склеить ее разлетевшиеся осколки, - уже ничего не получалось. Это – навсегда!

Доклад Хрущева способствовал пониманию того, что есть разные «социализмы»: сталинский, казарменный, тоталитарный социализм и социализм с тенденциями гуманизма и демократии, социализм нэповского типа. Был – объективно – поставлен вопрос о сути социализма, о его возможных формах и их противостоянии. Идея «демократического социализма» («рыночного социализма», «социализма с человеческим лицом») станет затем центральной идеей того интеллектуального движения, которое получило название «шестидесятничества» – в России и «пражской весны» – в Чехословакии.

XX съезд распахнул ворота не только лагерей и тюрем, но и ворота «лагерей» духовных, он способствовал снятию «шапок манкуртов», сжимавших и губивших человеческие головы и мозги. Да, пространство свободного думания и при Хрущеве оказалось не слишком велико. Но дух свободомыслия вырвался наружу, и загнать людей вновь в духовный концлагерь стало уже невозможно.

В общем, на **моих** весах белая чаша явно перетягивает чашу черную.

Но я отдаю себе отчет, что XX съезд и доклад на нем были высшей точкой деятельности Хрущева. Дальше пошло по нисходящей. Сохранившаяся бюрократическая система отторгала и перемальвала тенденции народности и демократизма, существовавшие в деятельности Хрущева. И хотя был еще резко антисталинистский XXII съезд, был одобренный Хрущевым «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, был

«Теркин на том свете» Твардовского и т.п., но в целом система работала на сохранение административно-бюрократического типа деятельности.

И она, эта система, победила. И пришел Октябрьский Пленум 1964 года, сбросивший Хрущева. А потом подошел и август 1968 года, когда был раздавлен советскими танками гуманистический и демократический социализм чехословацких коммунистов. И новая генерация политиков с Брежневым во главе выбросила почти всё, что было на «белой чаше», и «черная чаша» начала стремительно опускаться вниз.

И всё же стимулированное XX съездом движение шестидесятников продолжало жить, исподволь готовя новый демократический и гуманистический сдвиг, получивший название «перестройка» (сдвиг, который, впрочем, имел не менее печальный конец, чем хрущевские реформы; но это – предмет особого разговора и другого «круглого стола»).

На моих весах, повторяю, белая чаша XX съезда перетягивает груз, лежащий на черной чаше. И потому я обязательно пойду на Ново-девичье кладбище и положу цветы к памятнику Никиты Сергеевича. А мысленно я кладу их сегодня, сейчас.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Григорий Григорьевич. Слово предоставляется Борису Федоровичу Славину.

Славин Б.Ф. После таких выступлений трудно говорить, поэтому моя речь будет по возможности краткой.

Я хочу говорить о месте XX съезда в нашей истории. Вообще нельзя понять его место, не поняв саму советскую историю. Сейчас ее по-разному трактуют. Некоторые радикалы справа считают, что начиная с 1917-го года образовалась некая «черная дыра» в истории. И только с конца 1991-го года она начинает заполняться действительным общецивилизационным содержанием, расцветивается какими-то жизненными красками. Я не сторонник такой односторонней и явно ангажированной точки зрения.

Считаю, что в нашей истории, как и в любой другой, всегда боролись различные тенденции. Для советской страны с Октября 1917 года можно наметить две характерные тенденции: народническую или демократическую и тенденцию бюрократическую, рождающую авторитарные и тоталитарные режимы политической власти.

Вся советская история – своеобразная череда, или смена этих тенденций. Так, подлинный демократизм первых месяцев Октябрьской революции, сменившийся политикой «военного коммунизма» и закрытием оппозиционных журналов, газет и партий, затем демократические преобразования нэповского времени, позволившие в считанные годы преодолеть разруху военного времени и выйти на показатели 1913 года. Именно в это время возникают и множатся различные художественные школы и журналы, идет бурный рост народного творчества. Затем страну буквально сковывает сталинский тоталитарный режим власти, породивший ГУЛАГ и трагедию сотен миллионов людей. Первую брешь в этом режиме пробивает XX съезд КПСС, породивший «оттепель», сминившуюся затем заморозками брежневского авторитаризма с неосталинистским привкусом. Наконец горбачевская перестройка полностью хоронит брежневский авторитаризм и остатки сталинской тоталитарной системы власти.

Конечно, бывало и так (здесь уже говорили о «двух чашах» в оценке Н.С.Хрущева), что один и тот же лидер был как провозвестником демократии, так и человеком с авторитарными замашками, допускавшими антидемократические и попятные шаги в политике. Такая двойственность была свойственна и Хрущеву. Так, спустя год после своего антисталинского доклада на XX-ом съезде партии, он заговорил о Сталине как о стойком революционере, верным марксизму-ленинизму. Отсюда же и его непростые отношения с интеллигенцией: например, с одной стороны, разрешения печатать Солженицына, с другой, разносить отдельных художников и поэтов за отход от традиционных идейно-эстетических позиций. Однако в главном

демократизм Хрущева всегда брал вверх над всеми его отдельными рецедивами прошлого. Именно ему принадлежит последовательное осуществление реабилитации всех невинно осужденных узников ГУЛАГа, возвращение гражданских и политических прав крестьянам и т.д., и т.п.

Позавчера и вчера я был на аналогичных «круглых столах», организованных в Думе партией Жириновского и в мэрии Фондом Плеханова, руководимого Г.Х. Поповым. Так вот Жириновский прямо заявил, что XX съезд КПСС был «исторической ошибкой», приведший к разрушению государственной власти, что в определенной степени нам сегодня нужен «бескровный сталинизм» и т.д. Что касается «круглого стола», организованного Фондом Плеханова, то там известный телекомментатор Попцов убеждал всех присутствующих в том, что не Ельцин со-тварищи развалил Союз, а отмена шестой статьи Конституции в годы перестройки, которая, в свою очередь, была продолжением линии XX съезда партии. По моему мнению, здесь все свалено в кучу: время деятельности Ельцина, Горбачева и Хрущева. На самом деле это были разные времена и разные люди. Конечно, есть прямая логическая и политическая связь между XX съездом партии и горбачевской перестройкой, осуществившей на практике глубокую демократизацию советского общества, придав реальному социализму человеческое лицо. В тоже время, ошибочно искать нечто общее между процессами, реформирующими и демократизирующими советский социализм и политикой Ельцина, отказавшегося от социалистического выбора и вставшего на разрушительный путь неолиберального фундаментализма с его «шоковой терапией» и грабительской приватизацией государственной собственности. Именно Б.Ельцин покончил с СССР и советской историей в 1991 -1993 годах и потому ничего общего с ней не имеет. Борис Ельцин – это другая история и другое общество, в котором миллионы людей сегодня не столько живут, сколько выживают.

Однако вернемся к XX-ому съезду КПСС. Он, конечно, был поворотным событием в советской истории. Октябрьская революция, НЭП, XX съезд и перестройка – вот исторические события поворотного значения, которые двигали нашу страну к демократии, к выражению подлинных интересов большинства людей, прежде всего, трудящихся. Это нельзя не замечать и нельзя путать с современностью, которая, повторюсь, реализует совершенно иную историческую и социальную парадигму.

Теперь несколько слов о тоталитарном режиме, сложившимся при Сталине и по его инициативе. Социальной почвой этого режима, конечно, была бюрократия и поддерживающие ее различные мелкобуржуазные слои общества, уставшие от революции. Как известно, бюрократия не является самостоятельным классом: она всегда обслуживает тот или иной господствующий класс, не забывая, конечно, и о себе. Сталин это прекрасно понимал, поощряя номенклатуру денежными «пакетами», не облагаемые налогами, спецпайками, спецсанаториями и т.д. Все это было фактически предательством по отношению к идеалам революции, и не могло не вызывать сопротивления не только в низах общества, но и среди руководства правящей партии. Отсюда борьба со сталинизмом сначала «левой», а затем и «правой» оппозиции, соответствующие протесты Крупской, Рютина и др. членов партии. Отсюда же и соответствующие итоги голосования на 17 съезде партии.

Конечно, Сталин использовал оппозиционные настроения в обществе как предлог для установления самовластия или собственной тотальной диктатуры в стране. В итоге ГУЛАГ и сотни тысяч невинно загубленных жизней практически из всех слоев общества. По данным доклада специальной комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК за 1935 –1940 годы за антисоветскую деятельность было арестовано 1980635 человек, из них расстреляно 688503. Соответственно за 1937-1938 годы арестовано 1548366 и расстреляно 681692. В итоге был уничтожен весь тонкий слой

революционеров, о которых в свое время так хорошо говорил Ленин, отмечая, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами. Следует подчеркнуть, что этот слой революционной интеллигенции был Сталиным фактически почти полностью уничтожен. Были ликвидированы, за исключением его самого, и все те руководители партии и государства, о ком писал Ленин в своем письме к XI съезду. Одни погибли от пули в отечественных тюремных застенках, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, другие были загублены за границей, как, например, Троцкий, получивший удар ледорубом по голове от сталинского агента.

Вопреки всем марксистским традициям (вспомним негативную позицию Маркса и Ленина по отношению к культу личности), Сталин всячески поощрял культ собственной личности во многом имевшей религиозный характер. Я, будучи мальчишкой, помню, как на праздновании 800-летия Москвы был поднят портрет Сталина в форме светящегося куба и видимый со всех сторон. Это была гигантская объемная икона человека-бога. Для многих он был даже больше, чем Бог. Никакая религия не додумалась превратить в своеобразный храм всю Москву, включая ее небо, а сталинисты додумались.

Марксизм и социализм были Сталиным также превращены в религию. Для Сталина не социализм был для человека, а человек для социализма. Именно XX съезд разрушил святость подобной религии и ее догм. С XX съезда партии началось своеобразное идейное возвращение к аутентичному Марксу и Ленину. Было опубликовано скрываемое от масс письмо Ленина к XI съезду партии, где указывалось на нелояльность Сталина и давалось предложение убрать его с поста генсека партии, вышли в свет ранние гуманистические работы Маркса, начали переводиться на русский язык и издаваться научные и литературные произведения многих ранее не издаваемых западных авторов и т.д. Н.Хрущев впервые в публичных

выступлениях начал подчеркивать принципиальное различие между Лениным и Сталиным, чего сегодня не хотят замечать многие ангажированные властью идеологи. Мало того, некоторые отечественные радикалы типа Игоря Чубайса доказывают сегодня, что Ленин был в сотни раз более тиран, чем Сталин, хотя нет ни одной подписи Ленина под смертным приговором своих политических оппонентов, в то время как подпись Сталина стоит под смертными приговорами сотен людей (см.: недавно опубликованные так называемые Расстрельные списки). Итак, XX съезд КПСС осуществил радикальную десталинизацию страны, отменил культ вождя, возродил многие ленинские принципы управления партией и страной. В этом колоссальная историческая заслуга XX съезда партии.

Здесь почему-то совершенно не говорят о той большой роли Хрущева в создании подлинной демократической атмосферы общества. На мой взгляд, политического деятеля надо оценивать Хрущева, не по тому, что он не дал чего-то обществу, а по тому, что он ему дал, оставив свой след в истории. Нельзя забывать, что Хрущев, развенчав сталинизм и реабилитировав сотни тысяч людей, создал и новую атмосферу в советском обществе. Я помню ее по тому, как выходили в прокат фильмы «Чистое небо», «Летят журавли», «Девять дней одного года», когда лирики спорили о смысле жизни с физиками, когда поэты в Политехническом музее собирали сотни слушателей, когда, наконец, отношение к человеку, его труду и честности, вновь становилось критерием нравственности. Именно тогда, во времена Хрущева родились народные дружины, стало бурно развиваться народное творчество, возникло много самоуправленческих организаций и клубов, и и т.д. А движение знаменитых «шестидесятников»? Оно целиком вышло из XX съезда КПСС и его решений. Вместе с ним реальному социализму возвращалось его гуманистические черты: был поднят вопрос о правах человека, законности судебных решений, развивалась свобода творчества и конкуренция различных художественных школ. Следует отметить, что

гуманистические начала общественной жизни были стимулированы Хрущевым – человеком не очень культурно развитым, но демократом по своей сути, крестьянским мужиком, который знал, что нужно народу. А что было нужно народу в то время, после войны? Нужно было жилье. И он пошел на то, чтобы сделать буквально революцию в жилищном строительстве, в результате чего простые люди получали отдельные квартиры, переезжая в них из коммуналок, барачных и подвалов. Сегодня мы называем эти дома «хрущобами», но тогда - это был мощный демократический акт, который дал миллионам людей не только крышу над головой, но и возможность пользоваться собственными, хотя и совмещенными ванными и туалетами.

Конечно, Хрущев не мог сделать всё для развития демократии в стране. Он во многом оставался человеком своего времени, в основном, сталинского времени. Отсюда и его конфликт с творческой интеллигенцией, и приказ о расстреле рабочих демонстрантов в Новочеркасске и т.д. Тем не менее, он все же сумел преодолеть сталинизм и добиться решения XXII съезда КПСС о выносе тела Сталина из Мавзолея.

Сегодня пытаются то же самое проделать с телом Ленина. Но это совершенно другая история. Конечно, просвещенный человек, тем более марксист, не должен поклоняться мумии, но с именем Ленина и его захоронением в Мавзолее связана жизнь многих поколений советских людей, и это нельзя игнорировать. Следует так же видеть принципиальную разницу в исторической оценке Ленина и Сталина. Это были во многом политические антиподы, разошедшиеся к концу жизни Ленина и лично. Тот, кто изучал исторические документы последних лет жизни Ленина, например, материалы так называемого «грузинского дела», тот знает, что Сталин во многом был палачом Ленина. Он был настоящим узурпатором политической власти, и первый кто это понял, был Ленин. Что касается жестокости и мстительности Сталина, то ни рабовладельческий мир, ни средневековье не знало тиранов,

превосходивших его в репрессиях против своих бывших соратников и сотен тысяч простых граждан. В этой связи об извращенно жестокой натуре Сталина говорят его рисунки. В свое время «Российская газета» опубликовала характерный сталинский рисунок, на котором была изображена Красная площадь, где на виселицах были подвешены за половые органы его политические противники. На мой взгляд, образное мышление «вождя всех народов» дает многое для понимания духовного мира и психики этого человека?

Конечно, разоблачив культ личности Сталина на XX съезде партии, Хрущев не сломал, но существенно надломил хребет тоталитарной системы. Лишь в годы перестройки этот хребет было ликвидирован полностью. В этом смысле XX съезд был своеобразной предтечей перестройки. То, что недоделал XX съезд, доделала перестройка. Например, если при Хрущеве низы начали обсуждать кандидатуры на выборные должности, то Горбачев впервые вводит альтернативные выборы. Если Хрущев не понимал значение идеи политического плюрализма, до которой, между прочим, в свое время поднялся Ленин в конце своей жизни, призвавший легализовать меньшевиков, то Горбачев прямо допускает сначала существование различных платформ в КПСС, а затем и многопартийность. Напомню, что ЛДПР, социал-демократы и др. политические организации зародились в годы перестройки.

Аналогичные процессы можно отметить и в сфере внешней политики. Так, с именем Хрущева связана разрядка международной напряженности, а с именем Горбачева фактическое окончание холодной войны. И в этом смысле XX съезд и перестройка - два исторические события, которые оказали решающее влияние на международные отношения.

В заключение повторюсь, что я решительный противник тех людей, которые пытаются сегодня привязать или даже выводить политику Ельцина из деятельности Хрущева и результатов политики перестройки. Это не

сводимые друг к другу исторические явления. Постперестройка – это уже другая история и другой социальный выбор. И это нужно понимать.

Кувалдин В.Б. Благодарю, Борис Федорович. Выступает Дмитрий Владимирович Маслов.

Маслов Д.В.

Двадцать лет назад, на заре перестройки, историк М. Гефтер сетовал на то, что юбилей XX съезда при нашей падкости на юбилеи, прошел незаметно. Он высказал опасение относительно того, успеем ли мы осмыслить те события. На сегодняшний день можно сказать, что эти опасения не подтвердились.

Но изучение XX съезда шло неравномерно. Даже в хрущевский период об этом событии можно было говорить в рамках партийных директив, и прежде всего в интонации весьма скромного по своим формулировкам Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года. После 1964 года изучение рассматриваемой проблемы в отечественной историографии по идеологическим причинам было признано властью нецелесообразным. В то же время на Западе работа в этом направлении продолжалась. Резкий подъем интереса к хрущевскому периоду, в т.ч. и к XX съезду, происходит в годы перестройки. Замалчивание личности и деятельности Н.С. Хрущева сменилось апологетикой. Ситуация начала приходить в «норму» в 1990-е гг., когда стали доступными важные архивные документы. Это позволило преодолеть доминирование в источниковой базе весьма субъективной мемуарной литературы.

Сегодня с известной долей условности можно выделить две линии в осмыслении вопроса: историографическую и общественно-политическую. И обе сходятся в главном: XX съезд – одно из ключевых событий отечественной (и даже мировой) истории не только хрущевского периода, но, по мнению ряда исследователей, и всего XX века. И это при том, что

Хрущев, как известно, провел немало других преобразований, которые также включаются в т.н. «линию XX съезда». Такого масштаба саморазоблачения системы своим собственным руководством история, возможно, еще не знала. При этом сам съезд и развенчание культа личности Сталина фактически отождествляются.

В центре внимания современной исторической науки оказались следующие вопросы изучения XX съезда.

Прежде всего, это проблема зарождения инициативы выступления с докладом о культе личности. Большого единства исследователям удалось добиться в вопросе о мотивации действий Хрущева. Здесь в отличие от ситуации конца 1980-х гг. явно наметился крен в сторону приоритета объективных факторов. Правда, не закончена дискуссия по вопросу о том, *что* в большей степени двигало Хрущевым – необходимость укрепления системы, логика борьбы за личную власть или нравственные императивы. Видимо, одно не обязательно должно противоречить другому.

Принципиально важным является признание объективности хрущевских реформ, и в т.ч. критики культа личности. По мнению ряда исследователей (А.А. Зиновьев), существование системы, где главной скрепляющей силой был Сталин, не могло оставаться неизменным после него. Задуманные Хрущевым преобразования (от мирного сосуществования до реорганизации МТС) нуждались в пересмотре утвердившихся теоретических позиций и, следовательно, роли их главного творца – Сталина (А.В. Пыжиков). В.В. Кожин отмечал, что любой правитель после сильного лидера неизбежно, вынужденно проявляет гуманность.

Причем смягчение режима проходило уже в последние сталинские годы. Е.Ю. Зубкова и О.В. Хлевнюк отмечали, что все проблемы были осознаны еще при Сталине, и курс реформ был как бы предзадан. Ю.В.

Аксютин также предлагает не противопоставлять последние сталинские и послесталинские годы.

Действительно, в историографии постепенно складывается осознание факта преемственности хрущевских реформ с последними сталинскими годами, когда наметились основные контуры будущих преобразований. Сама постановка вопроса подобным образом долгое время казалась невозможной, т.к. между эпохами и личностями Сталина и Хрущева было принято проводить довольно жесткую грань. Еще в последние сталинские годы наметился поворот к принципам мирного сосуществования государств с различным общественным строем, необходимость которого вполне осознавалась правящей верхушкой, в т.ч. и самим вождем. В своей недавней работе А.В. Пыжиков характеризует конкретные шаги советского руководства в данном направлении.

Еще один аспект реформирования связан с дискуссиями об изменении структуры советской экономики, повышении ее социальной направленности, возрастании роли категории экономической целесообразности. Такие возможности открылись не только не без ведома Сталина, но и при его прямом участии, результатом чего стало принятие целого ряда правительственных документов. Были намечены некоторые нетрадиционные меры в области сельского хозяйства, особенно в сфере животноводства.

Даже в самой консервативной сфере советской системы – политике и идеологии – появились востребованные в полной мере позднее идеи. Так, при подготовке проекта Программы партии в 1947 году была сформулирована мысль о перерастании диктатуры пролетариата в диктатуру всего советского народа, т.е. фактически идея общенародного государства, авторство которой до сих пор приписывается Н.С. Хрущеву. Выдвигались идеи прямого народного законодательства, выборности должностных лиц и другие предложения по демократизации общественной жизни. В. Кожинов отмечал,

что и политические репрессии рубежа 1940-50-х гг. отличаются от их пика в 1937-38 гг. в плане более мягких последствий для осужденных по некоторым делам (особенно это проявилось в т.н. борьбе с космополитизмом).

Конечно, сами же пишущие об этих фактах исследователи не склонны переоценивать их значение и рассматривают их в основном лишь в качестве едва наметившихся тенденций. Но и говорить о некой спонтанности хрущевских реформ, в т.ч. и «линии XX съезда», едва ли теперь становится уместно. Тем более, что и смерть Сталина не только не прервала действия указанных тенденций, но и способствовала их активизации.

В свою очередь в литературе уже и раньше отмечалось, что импульс XX съезда проявил себя в серии последующих реформ по изменению самого облика социализма, включая перестройку. Таким образом, XX съезд обретает прочные корни в дохрущевском и послехрущевском развитии, а понимание советской истории становится более цельным. В то же время в некоторых исследованиях по XX съезду выражено сомнение относительно того, насколько удачно был выбран момент для критики Сталина и насколько политически корректно сформулировано ее содержание (Е.Ю. Зубкова).

Нельзя не затронуть и такой аспект проблемы инициирования секретного доклада, как ее (инициативы) направленность. Большинство авторов придерживается мнения, что идея продвигалась «сверху». В то же время исследователи не могут обойти вниманием определенные ожидания «снизу», особенно со стороны репрессированных, упредить которые, судя по его же собственному известному высказыванию, и попытался Хрущев.

Продолжаются дискуссии по вопросу подготовки доклада и борьбе внутри руководства. История составления и оглашения доклада Хрущева всё еще не прояснена до конца. Целостная картина поэтапного демонтажа культа Сталина на сегодняшний день только формируется. В изданиях последних

лет поставлен под сомнение ряд мифов, сопровождающих предысторию хрущевского доклада.

Прежде всего, опровергается распространенное представление о том, что споры в руководстве - читать или не читать доклад - продолжались чуть ли не в ходе всего XX съезда. На основании архивных материалов исследователи пришли к выводу, что принципиально вопрос был решен еще до съезда. На самом же съезде могли быть разногласия по второстепенным вопросам.

Ставится вопрос и о характере подготовки хрущевского доклада. Текст готовился в закрытом режиме, но ряд историков считают, что такова была привычная практика работы аппарата.

Не совсем ясно, какой именно текст зачитал Хрущев 25 февраля 1956 года. Магнитофонная запись его выступления пока не обнаружена, а текст, разосланный вскоре по парторганизациям, подвергся определенной корректуре (Р. Пихоя). Нельзя не учитывать, что во время выступления Первый секретарь ЦК КПСС неоднократно отвлекался от подготовленного текста.

Остается открытым вопрос об истинной подоплеке борьбы в руководстве по поводу осуждения культа личности. Наиболее часто в последнее время называется такой мотив, как политические амбиции в борьбе за власть.

Именно в этом контексте в последнее время часто трактуются идеи секретного доклада. В предыдущие годы акцент смещался на констатацию непоследовательности Хрущева в вопросах критики Сталина, логической противоречивости и чрезмерной эмоциональности доклада. Всё это обычно объяснялось тем, что в условиях середины 1950-х гг. борьба с культом и не могла быть иной по характеру. Однако последние исследования различных

вариантов текста доклада, сопоставление нюансов в критике культа в выступлениях Маленкова и Хрущева показали, что лидер партии не был столь подвержен экспромту и импровизации, как полагали ранее. Отмечается, что Хрущев смещал акцент на необходимость укрепления роли партии, которая якобы при его предшественнике недооценивалась. Этот аргумент сыграл немалую роль в укреплении личных позиций Никиты Сергеевича.

В последние годы стал активнее изучаться вопрос о реакции общества на инициативу, озвученную Хрущевым. Даже то, что известно сегодня, ставит под сомнение устоявшиеся представления о забитом тоталитарным режимом «совке». Адресованные руководству письма содержат такую постановку вопросов, что официальная идеология могла бы позавидовать глубине тезисов заводского рабочего. Для сравнения – какой доклад, кому и о чём надо прочесть сегодня, чтобы вызвать столь заинтересованную и напугавшую руководство реакцию!?

Многообразие выявленных мнений с трудом поддается классификации. Расхождение же в них столь велико, что вполне можно говорить о тех, для кого съезд стал символом очищения строя от негатива – но были и те немногие, кто воспринял откровения советского лидера как признак ущербности построенного в СССР социализма. Отметим, далее, тех граждан, которые считали хрущевскую критику необходимой, но неглубокой. Причем как в смысле анализа подлинных причин культа, так и в плане причастности к его формированию других представителей высшего руководства, в т.ч. и Хрущева. Наиболее самокритичные предлагали признать вину всего общества в произошедшем. Но были и те, кто встал, что называется, стеной на защиту дела Сталина и его имени. И дело не только в известных событиях в Грузии в марте 1956 года. Некоторые из писавших в ЦК и партийные издания возмущались той быстротой и легкостью, с которой только что

славившие вождя лидеры отреклись от него. Это вызывало нравственный протест, рассматривалось как акт несправедливости и не могло не подрывать доверие к новому руководству.

Но нельзя не упомянуть и о творческом начале в откликах на XX съезд. Авторы некоторых писем пытались выявить истинные причины оформления режима личной власти Сталина. Среди таковых назывались: «отступление от ленинских норм партийной жизни», отрыв верхушки партии и государства от народа, «зажим критики», бюрократизм, монополизм в экономике и пр. Предлагалось, в частности, демократизировать систему выборов в Советы, обеспечить периодическую сменяемость руководящих кадров. Подытожить обзор реакции общества хотелось бы мнением анонимного автора, оказавшимся в итоге пророческим: «Раз процесс пробуждения начался, он не остановится. Это закон истории».

Наконец, отнюдь не закрыт и вопрос о последствиях XX съезда. Часть историков (Ю.В. Аксютин, А.В. Пыжиков) склоняется к тому, что он положил начало трансформации системы от тоталитаризма к авторитаризму; другие же специалисты (А.Н. Яковлев, М. Малиа) считают, что Хрущев взялся за благое, но обреченное на провал дело спасения коммунистической утопии, чем фактически начал ее разрушать. Продолжается изучение внутренних и внешних, ближайших и отдаленных, предвиденных и в еще большей степени непредвиденных последствий критики культа. Вопрос о роли съезда в эволюции советского строя и возможности реформирования системы в целом остается открытым.

Именно эта последняя проблема в наибольшей степени интересует **общественно-политическую мысль**, диапазон мнений в которой шире, чем в историографии: от апологии «линии XX съезда» до ее резкой критики или игнорирования. Причин тому немало, но в любом случае очевидно, что XX съезд пока не стал в полном смысле слова историей, он остается еще и

орудием идейно-политической борьбы. Как и полвека назад. Но сегодня в фокусе этой борьбы – дискуссия о причинах распада советского строя и наших сегодняшних проблем. В этом проявляется не только научный, но и обывательский интерес и недоумение: как такая внешне могучая система могла распасться в считанные годы перестройки!? Вполне естественно возрастание интереса к более ранним событиям, в т.ч. и XX съезду.

Резко отрицательные оценки характерны для леворадикального спектра общественной мысли, что вполне понятно. Есть книги по хрущевскому периоду, в которых о XX съезде практически ничего не говорится (Ю. Емельянов). Ряд авторов усматривают в антисталинском завершении съезда первый мощный удар по социалистической системе, от которого она так и не смогла оправиться. Из произведенного съездом эффекта нередко напрямую выводятся и проблемы современной России. Хрущев, таким образом, возводится на первое по хронологии место в известной когорте «разрушителей социализма». Используются даже такие емкие термины, как «хрущевщина». Секретный доклад становится точкой отсчета таких процессов, как дискредитация советской истории, кризис русского национального самосознания, начало демодернизации экономики, кризис теоретической мысли в партии. Примечательно, что столь отдаленные последствия ранее из «линии XX съезда» не выводились.

В последнее время наблюдается попытка сместить акцент в изучении на решения основной части съезда, в которых содержатся меры по дальнейшему повышению уровня жизни и экономического развития. Но есть и еще один упрек Хрущеву, мимо которого пройти нельзя. Упрек, я бы сказал цивилизационного плана. Суть его в том, что своей идеей «догнать и перегнать Америку» советский лидер устроил соревнование с Западом на изначально проигрышном для нас поле и не использовал преимущества

советского строя. Попытка построить общество потребления по западному образцу закончилась позднее неизбежным крахом.

Но не только для «левых» характерны подобные взгляды, хотя мотивация их иная. Так, лидер ЛДПР В.В. Жириновский считает, что XX съезд в том его виде, в котором он состоялся, вообще не был нужен, т.к. нанес непоправимый ущерб отечественной государственности. Интересно при этом, что ослабление коммунистической системы и отказ от репрессий Жириновский приветствует. Он высказал оригинальное мнение, суть которого в том, что Хрущев должен был не искоренять страх индивида перед системой, а использовать его на благо своих преобразований. Дискредитация такого политического ресурса привела к падению и Хрущева, и системы (дискуссия на заседании «круглого стола» в Государственной Думе РФ 13 февраля 2006 г.).

Резюмирую сказанное. Фигура Сталина остается в центре общественных и научных дискуссий. Это и не удивительно. Созданная при нем система не только определяла облик СССР, но и долгое время рассматривалась (а некоторыми и сегодня рассматривается) как вполне конкурентоспособная альтернатива Западу. А именно в таких альтернативах сегодня ощущается острый дефицит.

Еще одна причина интереса к феномену Сталина в том, что в послесталинские годы вместо культа вождя сложился антикульт, и Сталин автоматически становился ответственным уже не за победы, а исключительно за провалы советского общества. Такой подход едва ли может удовлетворить и науку, и общественное сознание. Изучение XX съезда ставит и перед современной Россией ряд историософских вопросов. Возможно, главный из них - можно и нужно ли возрождать державное величие, искать собственный исторический путь, и какой ценой?

И последнее. Неудовлетворенный пока интерес к XX съезду показывает, что вопреки мнению некоторых ниспровергателей прошлого, у нас была История, в т.ч. и советская. И пора уже прекратить попытки расквитаться с ней, ее всё равно придется изучать. Закончу опять же фразой М. Гефтера: «после Сталина нам некуда вернуться – в досталинских временах нам уже нет места».

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Дмитрий Владимирович, в частности за то, что облегчило мое положение. Виктор Леонидович Шейнис.

Шейнис В.Л.

Отмечая юбилейные даты, мы не просто хотим удовлетворить собственную любознательность или передать память о делах давно минувших дней следующим поколениям. Распалась или сохранилась связь времен – вглядываясь в события полувековой давности, мы стремимся осмыслить также и то, что происходило с нами в недавнем прошлом, а если удастся, и заглянуть в будущее.

I

XX съезд был и остается важнейшим событием отечественной истории. Содержательно и даже хронологически он делит ее советско-большевистскую эпоху пополам. Конечно, крупные исторические события редко свершаются в один или несколько дней. XX съезд стал кульминационной точкой переломного этапа, который начался 5 марта 1953 г., в день смерти диктатора и продолжался еще в течение какого-то времени.

Из почти трех десятков съездов партии, единовластно распоряжавшейся страной три четверти века, этот съезд выделился не жаркими дискуссиями, как это было на первых съездах, и не чуть по-новому расставленными акцентами в некоторых выступлениях среди скучно-торжественного словоговорения, занявшего почти две недели. Главным был доклад Хрущева

на закрытом заседании 25 февраля 1956 г., когда все постановления уже были приняты и центральные органы партии избраны.

Доклад Хрущева, скомпонованный из материалов, которые готовили разные люди, «надиктовок» и импровизаций уже на трибуне самого оратора, - не только повествование о Сталине, отличавшееся небывалой до того степенью откровенности, но и документ своего времени. Вчитываясь в позабытый, хотя и ставший после публикации 1989 г. легко доступным текст, теперь можно по достоинству оценить, чем был этот доклад с его прорывами, разоблачениями, истолкованиями и умолчаниями и на какие рубежи вывел нашу страну самый «оттепельный» 1956 г.

Докладу было дано название «О культуре личности и его последствиях». В нем было показано, как Сталин с присущей ему настойчивостью, не ведая стыда, направлял кампанию восхвалений, переписывая историю и беспардонно выпячивая свою роль. Уже одно это для людей, десятилетиями воспитывавшихся в духе беспредельной любви и преданности великому вождю, было потрясением. На деле, конечно, сам культ был одним из побочных (и не самым важным) следствий самодержавной политической системы, которая так и не названа была своим собственным именем, хотя в докладе тому содержалось множество примеров. Этому эвфемизму – «культ личности» - была уготована долгая жизнь для обозначения совсем других явлений. И в таком качестве он сыграл исключительно вредную роль, предписывая границу, за которой не допускались ни научное исследование, ни политическая дискуссия.

Была сброшена с идеолого-пропагандистского пьедестала и версия о «великой дружбе» Ленина и Сталина. То была не просто грубая историческая фальсификация, но и один из краеугольных камней официальной идеологии. Но разоблачения эти были четко канализованы, а в идеологическую нишу, которую занимал Сталин, был помещен еще более мудрый и непогрешимый Ленин, в верности которому клялся каждый оратор на съезде.

Политическим и эмоциональным ядром хрущевского доклада был рассказ о терроре. Приводилось множество леденящих кровь фактов о лживых обвинениях, пытках, бессудных казнях. Именно этим доклад восприняли и запомнили. Из сказанного нетрудно было сделать вывод (хотя он и не был сформулирован), что террор приобрел такие масштабы, а машина физических и моральных истязаний невинных людей была отлажена до такого совершенства, которые и присниться не могли ни царской охранке, ни диктаторским режимам в других странах. С высокой трибуны партийное руководство обещало: никогда более! И это было главным, с чем вошел в историю XX съезд. К каким бы бесчинствам ни прибегали наследники, перехватившие позднее штурвал у Хрущева, как бы впоследствии ни оступался в сталинизм сам Хрущев, на XX съезде была задекларирована нечетко очерченная граница произволу, перейти которую никто уже не решился.

Вместе с тем были повторены все сталинские штампы об оппозиционерах как «реставраторах капитализма», «капитулянтах перед мировой буржуазией» и т.д., и тому была противопоставлена «положительная роль» Сталина в борьбе с ними. Между тем подавление внутривнутрипартийной оппозиции как раз и открыло путь к установлению единовластия в партии и в стране. Характерно, что оправдательная версия эта дожила до перестройки и была в последний раз воспроизведена в юбилейном докладе Горбачева к 70-летию Октября. В докладе за исходную точку террора была взята середина 30-х годов. Авторы доклада и помыслить не могли о том, чтобы сказать не только о жестоких бессудных расправах, в которых были повинны в годы гражданской войны обе стороны, о Кронштадте и Тамбове, но и о последующих преступлениях режима: о разгроме деревни в ходе коллективизации, об истреблении самой работающей и перспективной части крестьянства, о спланированном голоде 1932-1933 гг., погубившем миллионы

крестьян Украины, Северного Кавказа и Поволжья, о регулярных прочистках «буржуазной интеллигенции», «спецов» и т.д.

Хрущев включил в свой доклад некоторые факты о деяниях Сталина во время войны и в послевоенные годы. Хотя в этой части изложение страдало некоторыми перехлестами, легенде о великом полководце и искусном дипломате был нанесен тяжелый удар. Однако и на этом направлении расчет с прошлым был остановлен на полпути. Не было сказано ни слова о провале предвоенной внешней политики Сталина, о фактическом соучастии СССР в начале второй мировой войны на стороне Гитлера, о секретных протоколах по территориальному разделу в Восточной Европе, которые удалось извлечь из потаенных архивов лишь полвека спустя, о позорной войне с Финляндией, о Катыни и многом другом. А главное – был обойден вопрос о цене победы. Вне критики, естественно, остались цели и средства послевоенной советской политики в Восточной Европе. Этот нарыв, однако, прорвется в самые ближайшие месяцы и остановит нетвердые шаги на пути десталинизации.

Критике была подвергнута и национальная политика Сталина. Реабилитация репрессированных народов имела ничуть не меньшее значение и последствия, чем восстановление в правах политзаключенных. Сотням тысяч людей были возвращены гражданские права (хотя не всем и не полностью). Но смягчение режима для «спецпоселенцев» осуществлялось дозированно, и возврат в родные места был разрешен не всем. Упомянуто было «дело врачей», но в его изложении был обойден главный компонент – политика государственного антисемитизма, в которой это провокационное дело стало лишь кульминационной точкой.

Самым болезненным для Хрущева и его коллег по президиуму был вопрос об ответственности членов высшего руководства.. Понимая, что уйти от разговора об этом не удастся, Хрущев сам поставил этот вопрос. Его ответ выглядел следующим образом. Первое – Сталину верили, с ним были связаны наши победы.. Второе – мы многого не знали (пройдет 5 лет, и на

XXII съезде будет рассказано о расстрельных списках, визировавшихся членами политбюро – разумеется, теми из них, кто к тому времени окажется в опале). Третье – все вопросы Сталин решал сам, произвольно и выборочно привлекая или отстраняя членов политбюро. Четвертое – все мы жили под угрозой ареста, и проживи Сталин еще несколько месяцев», кое-кого из нас в этом зале не было бы.

Беспомощность этих плохо согласованных друг с другом объяснений бросается в глаза. Что, однако, из них непреложно вытекало – никакого политбюро как органа, реально возглавлявшего партию и государство, не существовало. Избранные на съезде (фактически назначенные Сталиным) его члены в лучшем для них случае были доверенными собеседниками и порученцами диктатора. Более того, это была идеальная и естественная модель организации большевистской власти. И хотя к законченной сталинской модели партия так и не вернулась, она неумолимо шла и теперь на смену «коллективному руководству» межвременья.

Таков был этот противоречивый, обошедший немало острых углов, но, вероятно, содержащий максимум того, что можно было сказать при существовавшем раскладе сил в партийном руководстве, и для своего времени несомненно выдающийся доклад.

Исторические решения были приняты после недолгих споров в предельно узком кругу высшего партийного руководства. Пленум ЦК и сам съезд выполнили в этом спектакле роль даже не древнегреческого хора – к ним больше подходит злое выражение Троцкого: «голосующая баранта». Невозможно представить съезд какой-либо живой, не выстроенной по армейскому ранжиру партии, на котором прозвучали бы столь сенсационные разоблачения и который после этого согласился бы их даже не обсуждать, предоставив своим руководителям определять дальнейшие действия по собственному усмотрению, без какого-либо контроля и догляда.

И все же историческое значение XX съезда и того, что произошло сразу после него, едва ли можно переоценить. Резкое ускорение приобрел процесс освобождений и реабилитаций. Сотни тысяч людей вышли на свободу, миллионам было возвращено доброе имя. Если бы процесс этот, начатый еще до съезда, шел, как настаивали оппоненты Хрущева, дозированно, не был заявлен громогласно, его влияние на нравственное оздоровление общества было бы куда меньше. Как сказала в марте 1956 г. Анна Ахматова: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха». Заслуга Хрущева в том, что этот обмен взглядами не прошел потаенно.

Намного большее значение, чем собственно оглашение доклада на съезде, приобрел следующий шаг. Выступая перед делегатами, Хрущев заявил, что все сказанное должно остаться секретом партии: нельзя обнажать ее язвы перед врагами. Но уже 5 марта на брошюре, содержащей текст доклада и рассылаемой в райкомы партии, гриф «совершенно секретно» был заменен другим: «не для печати». Одновременно с докладом было рекомендовано ознакомить коммунистов (свыше 6 млн. чел.), комсомольцев (еще 18 млн.), а также «беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» (т.е. практически всех, кто хотел и мог придти на собрания, где зачитывался доклад). Поразительно, но современными публикаторами протокол заседания президиума ЦК 5 марта не обнаружен. Скорее всего, решение было принято путем индивидуального опроса его членов, при котором каждый из них оказывался с Хрущевым как бы один на один. В результате сообщенная делегатам съезда информация стала достоянием всей страны и крупнейшим событием ее общественно-политической жизни середины XX века. Процесс пошел и дальше. Текст доклада Хрущева был роздан руководителям «братских партий» и там размножен. В зарубежной печати информация о «секретном» докладе появилась уже в марте, а его полный текст – в июне 1956 г.

II

Дважды в XX веке перед страной как будто бы открывалась возможность вырваться из исторически накатанной колеи и встать на путь демократического, европейского развития. Первая, очень нерешительная, плохо осознаваемая попытка мирного демонтажа тоталитарной системы была обозначена на XX съезде. Вторая, продвинувшая общество неизмеримо дальше, сломавшую самую злую и продолжительную диктатуру XX века – в годы перестройки. Развитие событий и в первом, и во втором случае в решающей степени зависело, во-первых, от того, как складываются отношения в узком кругу высших партийных иерархов и как далеко они готовы пойти по пути десталинизации. Во-вторых., как на эти действия отреагирует актив многомиллионной партии. И, в-третьих, как поведет себя общество. Небезынтересно хотя бы эскизно сопоставить две попытки исторического поворота в нашей стране, их, следуя Плутарху, «параллельные жизнеописания» – не только лиц, но и процессов.

Опыт и 50-60-х, и 80-х годов показал, что попытки выхода из тоталитарного режима, который не подпирается штыками извне и не потерпел военного поражения, могут быть изначально предприняты только сверху, из ядра системы. Дальнейшее развитие – продолжение реформ или откат от них - зависит от множества обстоятельств, но первые импульсы должны придти с верхушки властной пирамиды, точнее – учитывая величайшую концентрацию власти в этой системе - от лидера. Хрущев был если не единственной, то безусловно главной моторной силой начавшихся перемен. Многое узнав и поняв в последние годы жизни Сталина и в особенности после его смерти, Хрущев, хотя он и прошел школу коммунистической догматики в ее самом упрощенном, примитивном виде, что наложило неизгладимый отпечаток на его воззрения, оказался смелее и решительнее более образованных коллег в преодолении параноидальных проявлений сталинского режима. Его мотивы нередко объясняют тем, что,

раскрывая преступления недавнего прошлого, Хрущев подготавливал отстранение от власти своих соперников, более него повинных в репрессиях. Если это и так, то нельзя упускать, что он и без того много добившись в позиционной борьбе первых послесталинских лет, серьезно ослабив политические позиции Молотова, Маленкова, Кагановича – главных своих оппонентов, шел теперь на колоссальный риск. Будь его противники более решительны, прозорливы и сплочены, они попытались бы до съезда сместить Хрущева, в чем почти преуспели 15 месяцев спустя. Я думаю, что мотивы Хрущева были более сложными. В них присутствовала не только прагматика, но и нравственность, чувство исторической ответственности. Сама выстроенная при Сталине система таких лидеров не вырабатывает или, во всяком случае, не допускает их на верхние ступени пирамиды. Они появлялись вопреки действующему в ней естественному и противоестественному отбору претендентов на лидерство.

Разумеется, Хрущев не осознавал масштаб и содержание вырисовывавшихся перед страной проблем, как не предвидел результатов своих действий. В этом еще не было беды. То же самое можно сказать о Горбачеве, провозгласившем перестройку. Беда была в том, что Хрущев остановился, как только стали разворачиваться неконтролируемые процессы. В отличие от Горбачева он не сумел развиваться вместе с событиями. На первые признаки пробуждения общества он стал отвечать по-сталински, хотя и без сталинской свирепости. Многие в начавшееся «подмораживание» вносили и его коллеги по президиуму, и огромный партийно-государственный аппарат, сохранявший дух уходящей эпохи. Уже в апреле 1956 г. палица партийных репрессий обрушилась на головы тех, кто стал задавать вопросы, которые сознательно и бессознательно были обойдены в знаменитом докладе, а в конце года возобновились политические аресты. На события в ближайшей периферии он тоже реагировал по-сталински: в Польше – грубыми угрозами, в Венгрии – интервенцией. Весь хрущевский

период только в свете последующего этапа представляется оттепелью. Более пристальный взгляд позволяет увидеть, как кратковременные оттепели сменялись морозами, и вся государственная политика варьировалась в ритме: иди-стоп-назад.

И все же полной реставрации сталинского режима не произошло. Сталинская машина подавления и террора была не демонтирована, а лишь отведена на запасный путь. Еще при Хрущеве и в особенности после его смещения не раз возникало искушение запустить ее вновь – на том настаивали влиятельные лица в высшем политическом руководстве. И в том, что это не было сделано и преследование теперь уже не мнимых, а как правило, действительных противников режима осуществлялось выборочно, более тонкими (хотя подчас не менее изуверскими) средствами, немалая роль принадлежит разоблачениям, прозвучавшим на съезде, а затем на сотнях тысяч «читок доклада». После всего этого вернуть время, когда органы государства в массовом масштабе истребляли граждан, оказалось невозможно.

Прошло три десятилетия, советская система вступила в полосу общего кризиса, и партийная верхушка, в которой только и решались кадровые вопросы, вновь выдвинула неорганичного для нее лидера. Значительно более культурного и образованного, а потому и более адаптивного к ходу событий. Лично не запятнанного кровавыми репрессиями. А главное – способного извлекать уроки, которые преподносила жизнь. Не все и не всегда. Но все-таки задавшего импульсы, которые продвинули наше развитие, приобщение страны к демократическим и европейским критериям и ценностям неизмеримо дальше.

Если не оправданием, то некоторым объяснением скованности Хрущева на пути десталинизации могут служить не только его личные качества, благоприобретенные в школе партийного воспитания и счастливо складывавшейся карьеры. К движению по этому пути была абсолютно не

готова партия, прежде всего властвующая и задающая каноны поведения ее часть. Более того, когда зашатались привычные устои, политика Хрущева вообще, XX съезд в особенности в представлениях этих людей стали выглядеть источником всех бед и напастей. Раздражение, а затем и ненависть к «волюнтаристу» шли рука об руку с реанимацией сталинского мифа.

Горбачеву досталась партия, прошедшая глубокую трансформацию. В ней сформировались и заявили о себе различные, подчас враждебные друг другу идеологические платформы. Как только были обозначены новые цели и отключены репрессивные механизмы, некоторые из этих платформ обрели политические очертания и организующие центры, а сама партия по сути стала многопартийным образованием. В отличие от Хрущева, который в президиуме имел лишь одного убежденного союзника (то был Микоян), вокруг Горбачева сложилась команда и в высшем политическом руководстве, и в особенности – в лице привлеченных им помощников и влиятельных лидеров общественного мнения. Некоторые из них готовы были идти дальше Горбачева.

Замысел Горбачева заключался в том, чтобы использовать партию – одну из несущих конструкций тоталитарной системы – для эволюционного, мирного демонтажа той же системы. Это не было иллюзией. Поскольку власть и влияние генерального секретаря, доставшиеся Горбачеву по факту его избрания, были колоссальны, проперестроечные течения в партии быстро набирали силу, а невнятно заявленные поначалу цели перестройки отвечали устремлениям значительной, возможно, преобладающей части партийного руководства и актива, Горбачеву удалось, опираясь на партийные механизмы, существенно продвинуть вперед процессы демократизации и высвобождения независимых общественных сил. От попыток провести дозированные, прежде всего экономические реформы он перешел к

реформам политическим, которые взорвали партию и породили независимых субъектов политического процесса. Горбачев, однако, упустил момент, когда и в партийном аппарате, контролировавшем значительную часть организаций, и в высшем партийно-государственном руководстве сложилась мощная оппозиция дальнейшему продвижению реформы и лично генеральному секретарю. Партия как таковая перестала быть инструментом преобразования общества. На мой взгляд, капитальная ошибка Горбачева заключалась в том, что он в ответ не расколол партию, не организовал на платформе современной социал-демократии и не повел за собой ее реформаторскую часть, уступил лидерство в демократических преобразованиях иным силам. Даже осознав необходимость такого шага, он его слишком долго откладывал. Партия не разъединилась, а рухнула, и это повлекло за собой немало трагических последствий.

Наконец, общество. При Хрущеве оно было незрелым, далеко не преодолевшим наследие самой зверской фазы сталинизма – страха, нерассуждающей веры, деморализации, пассивности. Шок от прозвучавших разоблачений был сильным, но кратковременным. Хрущев и его преемники вскоре убедились, что управляемость общества можно сохранять, соблюдая его информационную изоляцию и прибегая лишь к выборочным и ограниченным репрессиям.

Реформаторской команде Горбачева довелось действовать в ином обществе. Оно, конечно, подверглось серьезному разложению, порожденному временем позднего брежневизма (широко распространились безверие, потеря каких бы то ни было идеалов, утрата трудовой морали, цинизм, коррупция, фарисейство и т.д.) Все это, конечно, не могло не сказаться в наступивших переменах.

Но в обществе формировались и конструктивные силы. Оценив поступившие сверху сигналы, они вскоре заявили о себе как самостоятельном факторе преобразований. Под их давлением или участии

развитие зашло так далеко, как невозможно было и помыслить в 50-60-х годах. Обрушилась идеократическая модель «партия-государство». В России чуть позднее была принята Конституция, не лишенная серьезных дефектов, но все же зафиксировавшая права и свободы человека и гражданина на уровне передовых демократических стандартов, идеологический плюрализм, многопартийность, федерализм и разделение властей. Стал формироваться рынок, основанный на автономии хозяйствующих субъектов. Возникли независимые от государства СМИ, общественные организации и т.д. Казалось, переход на демократический путь развития стал необратим.

Можно только поражаться тому, как круто и быстро вслед за тем развернулась реставрация авторитарного строя в России и большинстве бывших республик СССР. Многие достижения перестроечных и первых постперестроечных лет оказались утрачены, демократическое законодательство подправлено или обращено в фикцию, на месте парламента, суда, общественных институтов возникли муляжи, а бизнес и главные СМИ поставлены под контроль государства. Под флагом борьбы с сепаратизмом вытесняется так и не вставший на ноги российский федерализм. Изменена избирательная система: при неопределенности постоянно варьирующихся и выборочно применяемых правил голосование (или, точнее, подсчет результатов) почти во всех случаях дает определенный, желательный для властей результат. Разными способами, в том числе напоминающими методы работы спецслужб прошедшего времени, открыто подавляется активность независимых общественных организаций. Политика снова перестала быть публичной. Завершается построение номенклатурного капитализма с главенствующей ролью чиновника и воссоздание авторитарного режима.

Итак, две попытки выхода за пределы исторического стереотипа существования нашего общества в XX веке не удались. В первом случае – воля и действия реформаторов оказались ограниченными, а общество не

сумело выдвинуть силы, способные перехватить инициативу и власть. Во втором – такие силы возникли, но их способ реформирования экономики и общества оказался во многом деструктивным. Так был не только перекрыт путь дальнейшим демократическим преобразованиям, но и многое из того, что как будто бы уже вошло в жизнь, оказалось обратимым, а власть плавно и даже без сильных потрясений перешла к силам реставрации.

Нынешнее состояние тех трех актеров перемен (лидер, политическая элита, общество), которые последовательно приходили в движение, изменяли ситуацию и сами менялись под ее воздействием, не внушает оптимизма. На глазах прорастает до боли знакомая социально-политическая модель.

Наверху пирамиды – лидер, выведенный из зоны критики. В его руках сосредоточена и продолжает сосредотачиваться колоссальная власть. Прямо или косвенно ему подчинены все значимые государственные институты.

На нисходящих ступенях – невероятно разросшаяся армия чиновников, не контролируемых ни парламентом, ни общественными институтами и демонстративно выказывающих лояльность назначившему их суверену. Они-то и образуют каркас миллионной «партии при власти», которая была с потрясающей быстротой сформирована на основе административной мобилизации и нажима с использованием персональных данных, извлеченных из компьютеров. Партия, которая не имеет внятной идеологии (кроме как «мы за президента и его курс») и все установки получает из Кремля, представляет не что иное как большую политическую клиентелу, руководствующуюся, как правило, достаточно циничными поведенческими нормами. Она доминирует сейчас на выборах в центре и регионах, но по сути воспроизводит КПСС на заключительном этапе существования: в ином идеологическом оформлении, но все тот же «приводной ремень».

Если даже допустить, что власть стремится доступными ее пониманию методами преодолеть хаос и анархическое своеволие предшествующего периода, ответить на вызовы, которые не остерегались бросать Кремлю

региональные элиты, «олигархи», оппозиционные политики, журналисты, то очевидно, что средства, к которым она прибегает, не соответствуют цели. Средства, которые мобилизуются как будто бы для модернизации страны, уводят от достижения цели. Они по сути антимодернизационны. Сосредоточение государственной власти в одном центре, постановка под его жесткий контроль важнейших общественных процессов, вырождение федерализма, вытеснение с политической арены всех самостоятельных акторов, превращение парламента и судебной системы в инструментарий власти исполнительной, ликвидация независимых СМИ -- то есть уничтожение или умаление непреходящих атрибутов современного общества, делают систему ригидной, неспособной адекватно реагировать на внешние и внутренние возмущения, которые неизбежно заявят о себе.

Наконец, общество. Оно впадает в состояние анабиоза, послушно голосует или игнорирует выборы и позволяет власти манипулировать собой даже тогда, когда явным образом нарушаются его интересы. С отдельными же выступлениями пенсионеров, льготников, обманутых вкладчиков и .т.д., протестующих против реформ, режущих, как и прежде, по живому, власть научилась небезуспешно справляться. Демократические партии теряют свой электорат. Возрождается даже сталинский миф, который начал рушиться при Хрущеве и, как казалось, был добит при Горбачеве. На вопрос: существуют ли такие действительные или мнимые достижения и ценности, во имя которых можно оправдать (или забыть) террор и уничтожение генофонда нации, значительная часть наших сограждан (многие из которых на рубеже 80-90-х годов шли на выборы и демонстрации, сокрушившие коммунистический тоталитаризм) теперь, не задумываясь, отвечает: да!

Если российская история движется, как это не раз отмечалось, по причудливой синусоиде, циклами, то сейчас мы переживаем контрреформу, нисходящую фазу цикла. Сколь продолжительной может оказаться понижающая фаза наступившего исторического цикла? Будет ли выход из

нее происходить по уже известному алгоритму? Едва ли кто-либо может уверенно ответить на эти вопросы. По видимости выстраиваемая система достаточно прочна, но на деле она крайне уязвима, мало приспособлена к сохранению балансов в ситуации, заведомо подверженной быстрым и неожиданным изменениям. И когда наступит новый подъем, демократическая интеллигенция должна встретить его более подготовленной, с лучшим пониманием своей страны и своей истории, чем 50 и 20 лет тому назад. Чтобы наше общество не было застигнуто врасплох в третий раз.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Виктор Леонидович. Владимир Александрович Рыжков, можете ли вы нам помочь осмыслить?

Рыжков В.А. Прежде всего я хочу поблагодарить глубокоуважаемого мною и всеми, я думаю, присутствующими и миллионами людей по всему миру Михаила Сергеевича за организацию этого Круглого стола. Мне вообще кажется, что в эти дни нет ничего более важного, чем эта годовщина.

Здесь я хотел бы подчеркнуть то, что 50-летие XX съезда очень остро воспринимается всеми нами именно потому, что политическая проблематика съезда еще не исчерпана.

Моя главная мысль, которую я хочу высказать, заключается в том, что, на мой взгляд, **десталинизация России не завершена**. И в этом смысле первая незавершенная задача XX съезда – это восстановление всех имен репрессированных. Это открытие архивов НКВД, КГБ, ФСБ. Это установление всех имен виновных. Эта задача до сих пор, Михаил Сергеевич, не решена. И в этом смысле, мне кажется, что главное значение XX съезда и этой годовщины в том, что мы вновь и вновь должны повторять: полная десталинизация еще России не произошла.

Мы с Федором Михайловичем Бурлацким, который тоже будет выступать, были в эту субботу на «Эхо Москвы», где как раз обсуждался XX съезд. Нашим оппонентом был секретарь ЦК КПРФ Куваев, и он говорил,

что хрущевский доклад нанес смертельный удар по партии, по социализму и по великой стране. И было интерактивное голосование среди слушателей. Вопрос был сформулирован так: чего больше дал Сталин России – хорошего или плохого? Очень интересный получился результат. Позвонило большое число людей, несмотря на то, что это была суббота с 6 до 7 вечера. Позвонило 5 тысяч 600 человек. 71 процент позвонивших ответил, что Сталин принес больше плохого, но тем не менее 29 процентов позвонивших ответили, что Сталин принес больше хорошего.

Именно в этом смысле так важно сегодня еще раз проговаривать и напоминать людям, что такое был Сталин, что такое был сталинский террор, сталинский режим, потому что 29 процентов аудитории «Эхо Москвы», которые считают, что Сталин принес больше хорошего, чем плохого, - это, согласитесь, очень тревожная цифра.

Горбачев М.С. Опрос в связи с 20-летием перестройки показал: 30 процентов считают, что перестройку не надо было начинать.

Рыжков В.А. Дальше, Михаил Сергеевич, следующий момент. Я хочу сказать о том, что я совершенно согласен со всеми выступавшими, что XX съезд – это переломная дата, переломное событие. Сейчас есть люди, которые это отрицают, говорят, что суть системы осталась прежней, что та же партия осталась у власти. Сегодня тоже говорили о том, что были нападки на интеллигенцию и т.д. Но все же это был кардинальный поворот. Прежде всего, миллионы людей были реабилитированы, сотни тысяч вышли на свободу.

Во-вторых, произошло, и окончательно, прекращение массовых репрессий. С того момента это уже было абсолютно невозможно и никогда не повторялось. Обожествление лидеров также прекратилось. Об этом говорил уважаемый Григорий Соломонович.

И, наконец, целое поколение, Михаил Сергеевич, к которому принадлежите и Вы, появилось тогда, и сформировалось его мировоззрение.

И не будь этого поколения шестидесятников – мы об этом еще будем говорить – была бы невозможна перестройка и была бы невозможна десталинизация Восточной Европы и всего мира.

Теперь по поводу сегодняшнего дня. Здесь я решительно хочу поддержать Виктора Леонидовича Шейниса и чуть-чуть поспорить с уважаемым Михаилом Сергеевичем. Я не считаю, что мы преодолели сталинизм до конца. Мне кажется, что три фундаментальные характеристики этого режима, к сожалению, существуют сегодня, и даже - я согласен с Виктором Леонидовичем - укрепляются с каждым днем.

Первая характеристика сталинской системы, как я это понимаю, – это концепция власти как неодолимой, никому не подотчетной, беспощадной силы, которая сминает все на своем пути. Если мы сейчас посмотрим на то, что происходит, какая концепция власти сегодня выстраивается и какая идеология под это подводится, мы видим ренессанс именно такой концепции власти.

Вторая – это концепция народа как массы, которая безропотно идет за властью, которая не может контролировать власть, которая распределена по профессиональным и иным группам, но послушна монолитной, неодолимой силе власти. Посмотрите, сегодня любое выступление народа воспринимается как подрыв, как «оранжевая революция», как покушение на самые святыни.

И третья составляющая этой концепции, сталинской концепции, - это репрессивные органы. Михаил Сергеевич, Вы пытались поставить их под контроль, пытались их реформировать. Но разве мы можем сегодня сказать, что Прокуратура или ФСБ – наследницы КГБ, НКВД – находятся под публичным контролем, общественным контролем и действуют строго в рамках законности, не вторгаясь в экономическую жизнь, не вторгаясь в политическую жизнь, не вторгаясь даже в интеллектуальную и общественную жизнь.

Я думаю, что это был бы слишком смелый вывод, и, к сожалению, наши репрессивные органы находятся в той же логике сегодня.

Эти три ключевых элемента сталинской системы: неодолимой власти, которая не приемлет плюрализма, политической конкуренции, открытого участия в политической борьбе всех приемлемых политических сил; народа, который безропотно должен исполнять команды начальства; и репрессивной системы, которая вмешивается во все и обеспечивает неприкосновенность власти, - к сожалению, не только живы сегодня, но и с каждым днем набирают все больший и больший вес.

Мне кажется, сегодня, когда мы вспоминаем дату выдающегося доклада Никиты Сергеевича Хрущева, выдающегося события в нашей истории – XX съезда, мы должны все время напоминать: десталинизация не завершена. И пока не решим эту задачу до конца (архивы закрыты, исследователей не пускают, работа по реабилитации практически остановилась; Катынь и Медное начали отрицать опять сегодня, что нет, не доказано и т.д.; выходят тысячи книг и фильмов, где реабилитируется Сталин; опять идет пропаганда сталинизма, этого страшного культа и т.д.), мы не можем об этом не говорить. Это факт, это та реальность, с которой мы сталкиваемся.

И последнее. Михаил Сергеевич, Вам было 25 лет, если не ошибаюсь, в 1956 году. А мне и моим сверстникам было 19 лет, когда Вы начали перестройку. Мое поколение – по крайней мере, я могу говорить только за себя – целиком сформировано перестройкой. И я всегда, даже в интервью, везде говорю, что я – "ребенок" Горбачева в смысле политическом и духовном, и идейно мое поколение принадлежит перестройке. Я в этом давно признался, и вновь признаюсь сегодня.

Поэтому, завершая, хочу закончить на оптимистической ноте. Ваше поколение - поколение, связанное с XX съездом, - осуществило перестройку. Я надеюсь, то, что было сделано вами в 80-е годы, это те семена, которые

дадут плоды, и мы вместе обязательно завершим то дело, которое начал XX съезд. Дело полной и окончательной десталинизации России. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Благодарю, Владимир Александрович. У нас двое записавшихся для выступления в дискуссии. Вадим Андреевич Медведев.

Медведев В.А. Не буду говорить о том, что, наверное, всех нас собравшихся сегодня в этом зале объединяет - о значении XX съезда, закрытого доклада Хрущева не нем, о том, что перестройка явилась продолжением того исторического начинания.

Хотел бы, как человек, который в молодом возрасте (мне было 26 лет) пережил глубокое потрясение от XX съезда, а три десятилетия спустя оказался причастен к процессам горбачевской перестройки, высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу. Частично они уже прозвучали, но я постараюсь не повторяться.

На прошлой неделе корреспондент второго канала телевидения специально приехал ко мне для того, чтобы выяснить: при каких обстоятельствах в 1989 году был опубликован доклад Хрущева в «Известиях ЦК КПСС»; «какая велась борьба»; «кто выступал против»; как складывался драматизм вокруг этого события. Пришлось разочаровать его, сказав, что не было ничего интригующего. Политбюро приняло рутинное решение, фактически без обсуждения все согласились с предложением Генсека опубликовать доклад в «Известиях ЦК КПСС». Публикация доклада не вызвала фурора, прошла довольно незаметно, и особенно никто не обратил на это внимание. Чем это можно объяснить?

Прежде всего, тем, что доклад Хрущева был уже давно и хорошо известен во всем мире, а не только в нашей стране. А главная причина, по моему, в другом. Ведь за годы перестройки, предшествующие этой публикации, было высказано столько серьезных суждений о сути и характере той эпохи, которая подверглась критике в докладе Хрущева, что его публикация не могла ничего существенного добавить.

Возвращаясь ко времени XX съезда партии, я вспоминаю напряженнейшую обстановку в актовом зале Ленинградского университета при зачитании текста доклада Хрущева перед партийным активом. Наступил шок, воцарилось общее молчание. И только один возглас из зала - «видимо, у нас в партии что-то подгнило».

Конечно, я, как молодой и дисциплинированный член партии, воспринимал все как должное. Но уже тогда возникли некоторые вопросы и сомнения в связи с докладом. Смущал его эмоционально-фактологический стиль. Это был скорее журналистский памфлет, чем глубокий, серьезный анализ того, что страна пережила. Вызывали недоумение некоторые конкретные детали и выражения. Например, утверждение, что Сталин руководил военными действиями по глобусу или характеристика Берии как «матерого агента международного империализма». Как можно было представить себе, что матерый агент империализма и английский шпион в течение долгих лет был одним из самых близких вождю лиц и руководил важнейшей государственной службой?

Позднее становилось все более ясным, что при всем огромном принципиальном значении доклада Хрущева, в нем (я думаю, что историки меня поймут) надо видеть отражение жесткой борьбы за власть, которая шла в то время в Политбюро и Центральном Комитете. Хрущев не может считаться свободным от ответственности за ошибки и преступления сталинского руководства, но он единственный из бывших при Сталине членов Политбюро (плюс Микоян) сумел занять принципиальную позицию, которая в конце концов и принесла ему победу.

Возникало еще одно сомнение, касающееся самой формулы «культ личности и его последствия». Культ личности – понятие, относящиеся к области общественного сознания, социальной психологии. Но в него оказалась втиснутой характеристика целого периода в истории нашей страны. Более того, реальная явления и процессы (жесткий репрессивный

режим, отсутствие демократии) стали трактоваться как «последствия культа личности» вместо того, чтобы видеть в режиме основу для «культа личности». Тем самым все переставлялось с ног на голову.

Вообще же говоря, культ личности не всегда имеет негативный смысл. На мой взгляд, ничего плохого нет в почитании действительно выдающихся личностей – писателей, ученых, высоконравственных общественных деятелей, к примеру - Данте, Жанны Д'Арк, Шекспира, Пушкина, того же Иисуса Христа. Я уже не говорю о том, что культ личности как таковой - это то, чего так не хватало в истории и недостает в современном обществе.

Теперь ясно, что слабость доклада Хрущева, состоял в том, что в нем не были подвергнуты критическому анализу исторически сложившиеся основы советской авторитарной системы. Да и, фактически, на деле, в общественно-политической и экономической системах тогда не было сделано коренных сдвигов. Она оставалась нетронутой в своих основных компонентах.

И неудивительно, что вслед за развенчанием культа одной личности постепенно начал складываться культ другой. Помните фильм «Наш Никита Сергеевич». Но дело не ограничилось славословием нового руководителя. Последовали окрики с его стороны в адрес творческой интеллигенции, Новочеркасск, венгерские события и т.д. Короче говоря, Хрущевым был начат «великий перелом», но он не затронул основные устои общественно-политической жизни. А потом культ личности уже в карикатурной форме стал воспроизводиться и в эпоху Брежнева. И только перестройка, надо надеяться, положила этому конец.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Вадим Андреевич. Федор Михайлович Бурлацкий.

Бурлацкий Ф.М. Из-за недостатка времени я сошлюсь, прежде всего, на то, с чем я полностью согласен. Выступление Михаила Сергеевича Горбачева в основном отражает и мою позицию. Мы шли с ним в оценке и XX съезда, и

Хрущева, и в особенности тех выводов, которые необходимо сделать - политических, экономических, международных.

Затем я хотел бы также сослаться на выступление Рыжкова Владимира Александровича. Я полностью подписываюсь под всем тем, что он сказал. Это и моя позиция, хотя мы – представители двух разных поколений. Хотя я думаю, что Рыжков, к несчастью, в нынешней Государственной Думе одиночка. Может быть, есть какая-то малая группа людей, которая не очень заметна.

Я был на XX съезде. Правда, не на закрытом, а на открытом заседании. Я готовил некоторые материалы для Д.Шепилова, главного редактора «Правды», в здании которого размещался и журнал «Коммунист», где я работал в ту пору. Помнится, я писал что-то о необходимости мирного сосуществования и о том, что нет фатальной неизбежности войны между двумя системами.

Теперь, что я хотел бы добавить ко всему тому интересному, что здесь происходило. Доклад Никиты Сергеевича Хрущева на XX съезде о преступлениях Сталина - это великое дело для нашей страны, для Восточной Европы, для Китая, который проснулся при Дэн Сяопине. Весь мир увидел, что это коммунизм – это не монстр, который раньше или позже начнет ядерную войну, а это нормальные люди, которые хотят построить нормальную хорошую жизнь для своего народа.

Что Хрущев тогда не сделал и не мог сделать, хотя, вероятно, сам понимал, что партия была не готова и советское общество было не готово. Он персонифицировал критику. Это была критика Сталина. Это не было критикой режима. Это не было критикой системы. Тогда еще это не ориентировало на коренное переустройство системы власти – то, с чего в новую эпоху начал Михаил Сергеевич Горбачев.

Немногие знают (это мое небольшое дополнение к докладам на нашей встрече), что к концу своей деятельности Никита Сергеевич стал думать и

осуществлять некоторые шаги - от персональной критики культа личности к пересмотру системы власти.

Здесь уже упоминался один факт, связанный с разделением обкомов и райкомов. Это был элемент плюрализма партии. Но не упоминался другой, очень важный факт. Хрущев дал нам поручение готовить проект новой Конституции СССР. Была создана большая группа, которой руководил я вместе с Георгием Лукичом Смирновым из Отдела пропаганды. Мы работали на даче Горького. Мы подготовили Записку о новой Конституции, где предлагались уже тогда: работа парламента - Верховного Совета СССР – на постоянной основе; альтернативные выборы - выдвижение нескольких кандидатов на выборах в ВС СССР; суд народных заседателей по модели западного суда присяжных; коллективность партийного руководства; разделение полномочий партийной и государственной власти и т.д. Записка была представлена в Президиум ЦК. Большинство членов Президиума высказалось решительно против. Но Никита Сергеевич поддержал записку. Правда, при этом он с юмором заметил: тут какие-то мальчишки хотят переместить меня с поста Председателя Совмина на пост Президента. Он полагал, что пост Президента – это то же самое, что Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Тем не менее, Хрущев дал нам задание продолжать работу. Мы сидели на даче Горького вплоть до октябрьского Пленума ЦК. Подготовили новую Записку и ждали сигнала. А потом тишина в студии: меня направили узнавать, что там происходит, почему больше не звонят, почему не требуют новый вариант Записки, где уже говорилось об основных принципах демократической Конституции.

Я приехал в ЦК, в коридорах тишина, потом узнал от одного друга: идет заседание Президиума, снимают Никиту Сергеевича. Аппарат не выдержали новаторских шагов Хрущева, которые шли в направлении западной цивилизации. Конечно, он двигался интуитивно, стихийно, преодолевая те

идеологические догмы, которые ему воткнули в голову еще в молодости, и которые он так и не преодолел до конца жизни.

Я думаю, что вопрос о десталинизации не снят с повестки дня и сейчас. XX съезд - к несчастью, а быть может, к счастью, расколол не только партию, но и все наше общество, и все коммунистическое движение. Этот раскол сохраняется до сих пор. Мы сделали только первые шаги по пути парламентаризма. Пока у нас нет массовых партий, которые конкурировали бы в борьбе за власть и сменяли друг друга на основе всенародных выборов. Да и полномочия нашей Государственной думы крайне ограничены: она даже не распоряжается по-настоящему бюджетом, хотя и формально утверждает его.

У нас нет и четкого разделения властей между президентом, правительством и Государственной Думой. И конечно, пока еще нет верховенства закона, законности и судебной защиты. Сделаны только первые шаги в этом направлении. Хорошо, что они сделаны, но надо выступать за то, чтобы этот процесс привел к изменению наделе всей сталинской системы, основанной на культе вождя, против чего поднял свою руку мужественный одиночка – Никита Сергеевич Хрущев. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Спасибо. Мы плавно приближаемся к заветному перерыву. Я прошу у вас еще две минуты внимания, поскольку, готовясь к этому заседанию, тоже думал на эту тему. К счастью для присутствующих у меня не получилось ни доклада, ни осмысленного выступления, а всего лишь маленькая притча, которая звучит приблизительно так.

1956 год (в него я включаю всё – и «секретный доклад», и борьбу в партийном руководстве, и брожение, начавшееся в социалистическом лагере, и события в Познани, и кровавое подавление венгерского восстания) мне представился в образе сфинкса, который задает свои убийственные вопросы-загадки не прохожим, а различным периодам российской истории. Получилось пять вопросов и пять коротких ответов. И звучат они так.

Первый вопрос адресован к хрущевскому времени. «Возможен ли социализм с человеческим лицом?»: Ответ: «Кто знает, пока что получается только реальный социализм».

Второй - горбачевской перестройке: «Возможен ли демократический социализм?» Ответ (перефраз известного афоризма Ларошфуко о настоящей любви): «О нем много говорят, но его никто не видел. Возможно, и не увидит».

Третий вопрос обращен к России 90-х годов прошлого века. Звучит он так: «Возможен ли в России не тоталитарный режим, по своим разрушительным последствиям сопоставимый с сталинизмом?»: Ответ: «Увы, и такое не исключено».

Четвертый вопрос задается ключевым вехам российской политической истории - это 1917, 1987, 2007 годы: «Возможна ли демократия в России?» Ответ: «Возможна, но прежде Россия должна стать другой».

И, наконец, пятый вопрос, адресованный будущему: «А можно ли сохранить Россию без демократии?» Ответ: «Наверное, можно, но не долго».

(После перерыва)

Чудакова М.О. Что же дал 1956 год? В чем он изменил ситуацию? А изменил очень резко. Но основа этих изменений была, я полагаю, простой, почти элементарной.

Дело, конечно, началось раньше 1956 года. Хорошо это помню, это мои школьные годы. Сразу после смерти Сталина через две-три недели в воздухе было нечто другое - хотя объяснить, ухватить это новое было трудно, да и сейчас трудно

И три года спустя это ощущение быстро идущих изменений самой общественной атмосферы подтвердилось - когда нам, студентам, читали доклад Хрущева.

Секретарь партбюро филологического факультета Волков (он потерял на фронте ногу, и, чтобы отличить от других факультетских Волковых, его мы называли - "одноногий Волков") объявил битком набитой Коммунистической аудитории (тогда – Коммунистической, сейчас вновь – Богословская) в университетском Аудиторном корпусе на Моховой, в которой человек четыреста вмещалось: «Сейчас будет оглашен документ ЦК КПСС. Обсуждению не подлежит!». И после этих внушительным голосом сказанных последних слов по всей студенческо-преподавательской аудитории (в основном – студенческой, это был так называемый *партийно-комсомольский актив*) прошел такой недовольный шумок - "у-у-у!" Ег,о конечно, - подтвердят, я думаю, люди моего поколения, - до смерти Сталина в подобной ситуации представить себе было нельзя: такие слова до марта 1953-го, несомненно, были бы выслушаны в гробовом молчании. Вот это и был знак изменений.

А подоплека этих изменений была простая: исчез пистолет у виска. Последствия этого были огромны, потому что, как говорит один из персонажей в пьесе моего любимого писателя Михаила Михайловича Зощенко, - "Высшую меру я, действительно, с трудом переношу. Остальное как-нибудь с Божьей помощью". Остальное человек и впрямь перенести может. В сущности, даже и высшую меру, но по-настоящему непереносима угроза для детей и близких.

Отмену этой главной угрозы советские люди сначала почувствовали - в двух знаковых событиях: арест Берии и освобождение "врачей-убийц". Затем хрущевский доклад это полностью подтвердил: хотя прямо этого и не было сказано, но - подразумевалось. И вслед за тем совершенно изменилась роль личности в общественной жизни страны.

Эта роль как таковая в России XX века, на мой взгляд, резко изменилась вообще в первые же годы советской власти - стала гораздо выше и значимей, чем до этого в истории разных стран. Вообще выскажу

крамольную мысль, что роль личности выше в недемократических странах, потому что в демократической стране, в общем-то, все равно, кто именно подписал некое обращение какой-то партии, какого-то клуба, какой-то организации. Там, где гражданское общество структурировано, важно, сколько человек выступили за то, чтобы собак не выгуливать там-то или, наоборот, за то, чтобы изменить избирательный закон, а не кто поименно.

У нас в отсутствие гражданского общества в течение XX века важны были имена, личности. Конкретные люди создавали вокруг себя атмосферу - в лагерях, камерах (где даже прежде чем их уводили на расстрел, они успевали порой оказать на окружающих воздействие, которое сказывалось потом в течение всей жизни выживших, - примеров немало), в районных городках, куда их ссылали. И не обязательно ссыльные - многие незаурядные люди ухитрялись создавать вокруг себя эту ауру и воздействовать на окружающих.

Но смерть Сталина и доклад Хрущева на XX-м съезде дали возможность проявляться свойствам личности с гораздо более полной силой. И первой проявилась свобода выбора, свобода воли - то, что нам дано с рождения, но дулом пистолета у виска или на затылке парализуется. Не обязательно быть христианкой для того, чтобы быть уверенной, что свобода воли дана нам изначально, хотя это один из христианских постулатов.

Эта свобода проявилась, прежде всего, в самом поступке Хрущева. Совершенно ясно по всем документам, что, как бы он ни колебался, - это все-таки был личный его выбор, поскольку в тогдашнем Президиуме ЦК КПСС (суеверно заменившем название сталинского Политбюро), готовившем съезд, были по этому поводу разные и по большей части иные, чем у него, мнения. Хотела бы это подчеркнуть.

И точно так же - всегда настаиваю на этом, возражая огромному количеству детерминистов, появившихся у нас за последнее полтора десятилетия и все увеличивающемуся, - что начало перестройки было

личным выбором Михаила Сергеевича Горбачева, как бы ни говорили про нефть, которая подешевела, про то, что все и так прогнило и что, мол, это и вызвало перестройку - независимо от чьей-то личной воли.. Мы все достаточно ясно понимали, что все прогнило. Но прекрасным образом могло гнить еще 10-15 лет, а Горбачев оставался бы все эти годы генеральным секретарем с безграничной властью, каким были до него другие. И повести себя совсем по-другому - это был личный выбор человека, который вырос и воспитывался именно в то время, под знаком этих новых явлений 1956 года. Не забываю один момент, который Михаил Сергеевич сам, я уверена, помнит. Как он сказал (помню дословно): "Мне вот тут говорят, что надо стукнуть кулаком". Он помолчал и сказал: "Вообще можно. Но - не хочется". И вот эта неподдельно искренняя интонация слов «не хочется» и говорила убедительно о человеке, у которого возник рвотный рефлекс против насилия в послехрущевской советской жизни..

Поэтому, когда сегодня здесь выступал заведующий Идеологическим отделом ЦК при Горбачеве, говоря о том, как Хрущев не добрался до основ системы, - не могу не заметить, что никто не мешал добираться до нее в тот момент, когда этот человек руководил Идеологическим отделом. Он сказал тогда (осенью 1988 года), что есть произведения Солженицына, которые *никогда* не будут напечатаны у нас в стране. И мы (я была тогда в редколлегии «Нового мира») сели писать письмо Михаилу Сергеевичу. Писали несколько часов, и это имело эффект.

Горбачев М.С. Имело. Вы знаете, я тогда принял простое решение. Сказал членам Политбюро: слушайте, это же литературные дела; ну что мы с вами будем. Союз писателей хочет рассмотреть и решить вопрос. И всё.

Чудакова М.О. Вот это и было. Это и была свобода воли и свобода выбора. Одни ее проявляли, а другие, даже в годы перестройки, – нет. Вот и все – в этом разница.

Нужно иметь в виду, переходя к литературе, несколько закономерностей, управляющих взаимоотношениями литературы с *ослабленной* тоталитарной властью, а именно такой была советская власть с марта 1956 года, а в какой-то степени, как я упоминала, уже в ближайшие недели после смерти Сталина; я считаю, Михаил Сергеевич довольно метко называет эту власть, эту эпоху в своей книге «Жизнь и реформы» постсталинизмом.

Перечислю некоторые из этих закономерностей.

Первая - далеко не всегда литературные изменения параллельны политическим и даже социальным. Внутренние литературные процессы идут по собственным дорогам, диктуемые телеологией, литературной эволюцией.

Но тектоническим толчком в том периоде, о котором мы говорим, была смерть Сталина. "Оттепель" создала реальную возможность выхода внутренних процессов на поверхность печатной жизни литературы. То, что копилось, во всяком случае, с начала 40-х годов вне печатной формы, стало клубиться, готовясь вырваться на эту поверхность.

Вторая - политическая жизнь в тоталитарном обществе, снимая ряд ограничений и условий, не *предлагает* литературе те или иные варианты. Она не конкретизирует открывшиеся возможности, а только снимает запреты - даже не оглашая при этом, что именно она снимает. Власть не объявляет - *теперь можно писать об этом и так, а не этак*. Мало того - у нее никогда и не было фантазии для таких объявлений. Это действительно не её дело!

Процесс был обратным - сугубо экспериментальным. Только на своем опыте, напором нового качества могла проверить литература, чего по-прежнему нельзя, а с чем можно прорваться

Непонимание этой именно закономерности было очень характерно для нашей общественности - от оттепели до перестройки. (О трифоновском "Доме на набережной" говорили - "Значит, ему *позволили* это написать!") .

И третья - политика виляет, а литература вовсе не следует ей в этом влиянии (о приспособленцах не говорю - говорю о литературе). Когда анекдоты были, что колебался, но - "вместе с генеральной линией партии", это - про людей, но не про литературу. Подлинный писатель идет своим путем, а у нас таких было немало. Тектонический толчок преобразуется в литературе в свои последовательно (в отличие от "генеральной линии партии") идущие процессы, литература, получив этот "первоначальный толчок", уже продолжает свой собственный путь.

Перед ней стояли свои огромные задачи. Первая – отменить, если можно так выразиться риторически, советский язык. Конечно, докладом Хрущева сделано было уже то огромное для культуры страны, для гуманитарной мысли (которая к моменту смерти Сталина давно полностью заглохла) дело, что он вывел из обихода сталинские труды, которые без конца нужно было цитировать. Они забивали уши и забивали глаза, деформировали наш язык, нашу письменную речь, публичную, не домашнюю, конечно. Это воздействовало на литературу. Не могу на этом останавливаться подробно; у меня собран листок на 25 печатных словарь советизмов, который делала много лет, начиная с конца 60-х; не знаю, когда выберу время опубликовать. Из него становится ясно, в каком речевом контексте жила литература.

Вернусь к первой из намеченных черт. Предполагаю, что именно из двух циклов составилась история литературы советского времени. Первый цикл заканчивался в начале 40-х годов - вне политических событий, даже вне воздействия начавшейся войны, а по внутренним законам. Он заканчивался в это время, литература рвалась к новой совершенно жизни: перед русской литературой советского времени стоял выбор. Она к тому времени *растроилась*, расплелась на три плети - на зарубежную, печатную отечественную и непечатную (рукописную) отечественную. Но так долго продолжаться не может. Тогда литература, создающаяся на одном языке, но в

разных условиях и очень по-разному, в конце концов должна или разделиться на разные литературы (как англоязычная - на английскую, американскую, австралийскую, новозеландскую, южноафриканскую), или слиться. И был внутренний напор, который по законам литературной эволюции понуждал литературу к тому, чтобы слиться, наконец, в единую русскую литературу; это было, повторю, внутреннее ее тяготение.

Были две попытки «оттепели» до 1954-56 гг. (я на них не могу останавливаться), когда выходили на поверхность такие вещи, как «Перед восходом солнца» Михаила Зощенко, которая, в сущности, не могла быть напечатана в советских условиях 1943 года, а между тем первая ее часть попала в печать. Эта повесть принадлежала как бы всем трем этим литературам сразу - в ней не было специфических признаков советской печатной (подцензурной) литературы...

Закончу цитатой из Пастернака. Летом 1958 года Пастернак в одном из писем отчетливо зафиксировал *пустое поле* - на том месте, где до начала 40-х были ценности первого цикла (по предложенному нами структурированию) литературного процесса советского времени, где затем была наспех оборудованная военная площадка, где с 1946-го до 1953 года было стоячее болото - непроходимое для "живого следа", но казавшееся вечным. Эти семь лет - единственный в течение советской эпохи период, когда литературная эволюция была остановлена. Романы печатались, их читали, но они писались по одной и той же схеме; с полной предсказуемостью развития фабулы; это можно легко показать, да многие еще и помнят по детскому и юношескому чтению.

“Я думаю, - писал поэт, - несмотря на привычность всего того, что продолжает стоять перед нашими глазами и что мы продолжаем слышать и читать, ничего этого больше нет, это прошло и состоялось, **огромный, неслыханных сил стоивший период закончился и миновал.** Освободилось

безмерно большое, покамест пустое и не занятое место для нового и еще небывалого ...” (выделено нами. - М.Ч.).

Теперь у него, написавшего роман (завершенный два с половиной года назад), итожащий прошедшее и закончившееся, было ощущение именно пустоты - пустой площадки, приготовленной для новой, но все никак не начинающейся стройки. Никаких следов начала чего-то нового на этой площадке он не видит. Но ясно сознает, что и старого - уже нет.

За поэтическим слогом его формулировок - высокая эвристичность. Он описывает опустошенность тех понятий, которые в прошедшем периоде придавали так или иначе движение литературе. Теперь от них остались пустые оболочки:

Самое главное, что этот период, в отличие от периода до смерти Сталина, - необыкновенно сложный для восприятия западными наблюдателями и сегодняшними новыми поколениями, - очень труден для изучения. Почти сразу после XX съезда начались - и, разумеется, продолжались, - всякие попятные ходы в политике, Именно с эпохи *оттепели* началось то новое лицемерие, плоды которого отравили отечественную жизнь на полвека и продолжают отравлять сегодня: "...Имеются еще коммунисты, которые не понимают или не хотят понять, что культ личности нельзя рассматривать как явление, присущее природе советского общества, что ошибки и недостатки, связанные с его распространением, не изменили и не могли изменить социалистического характера советского строя, генеральной линии нашей партии, ее непоколебимой верности принципам марксизма-ленинизма" (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям "Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда". 16 июля 1956. Строго секретно). Вот именно потому, что власть не могла сама предложить ничего конкретного, но хорошо чувствовала своим номенклатурным инстинктом, чего делать нельзя, она все время делала массу таких ходов и действий,

которые не видны тем, кто не погружается в это полностью. Необходимо понять, как велика была роль в этой ситуации самых разных литераторов, публицистов, гуманитариев, технарей ... Этот период по сложности бесконечно превосходит сталинскую эпоху. И период этот закончился, конечно, уже с приходом Горбачева, хотя советская власть, как известно, при нем не кончилась - потом уже было довершено дело. Но самым главным было это *начало*..

Феномен "оттепели", все время подмораживавшейся властью (то есть название оказалось очень точным), оказал огромное влияние на восприятие последующих процессов - он помешал, например, увидеть в перестройке предвестие и начало новой эпохи - в ней видели все время только еще одну "оттепель" - или временно открывшуюся "щелку". Помню, как в тогдашней очень либеральной "Литературке" встретили меня свежей речевкой: - *Куй железо, пока Горбачев!*..

Я закончу такими словами. Да, у меня, конечно, Михаил Сергеевич, с вами есть расхождения - в отношении Ленина (полностью) и вообще в отношении возможностей социализма. Но зато я глубоко благодарна вам за то, что своим рывком, прорывом вы дали необычайно много нашему поколению. Приходилось и приходится слышать от очень многих: "Он хотел другого. Если бы он думал, что в результате рухнет социализм, то никогда бы не взялся за перестройку". Извините, что говорю про вас в третьем лице, но обычно отвечаю: мое мнение (что думает сам Михаил Сергеевич, - не знаю) таково - М. С. Горбачев, как, может быть, никто другой изучивший свою партию, ее отлаженную систему самосохранения ради самодержавия, твердо знал, что в этой системе нельзя тронуть камешка с риском, что она обрушится вся. И он это сделал. Это не значит, что он хотел, чтобы она рухнула. Но он пошел на это, вступил в ситуацию с открытым концом, твердо зная, что этот конец - открыт, что финал - неизвестен. И сделал это

именно потому, что был человеком 56-го года – совсем уже другим, чем его предшественники. Спасибо за внимание.

Кувалдин В.Б. Спасибо. Мариэтта Омаровна сказала о влиянии XX съезда на нашу литературу. Сейчас второй доклад – доклад Бориса Владимировича Дубина. Его тема – XX съезд и современное общественное мнение.

Дубин Б.В. Я не историк, а социолог, и моя тема – не сам съезд, а его значение, место, образ, роль в общественном сознании – российском, постсоветском, включая нынешний день. Поэтому хронологические рамки – это примерно последние 20 лет, с 1988 года, когда наш Левада-Центр – тогдашний ВЦИОМ – начал проводить регулярные замеры общественного мнения.

До того, как я перейду к некоторым данным, нами полученным, хочу отметить одну смысловую точку, - о ней сегодня несколько раз говорилось. Больше того, к ней не раз возвращались. Это двойственность ситуации вокруг съезда, двойственность шагов самого Хрущева и людей, которые были с ним связаны, которые вместе с ним решились на перемены в системе. Все рассказы о съезде и его последствиях развиваются по модели - с одной стороны и с другой стороны. С одной стороны – то-то и так-то, но с другой стороны - что-то другое. Я хотел бы зафиксировать этот момент, социологически он чрезвычайно важен, и в моем сообщении он – один из основных.

Я думаю, что здесь мы имеем дело с очень характерной социально-политической ситуацией, когда борьба фракций внутри правящей верхушки при отсутствии в стране, в обществе самостоятельных политических движений, сил, институтов не может дать окончательного результата, привести к определенному выбору. Не удастся сделать решающий шаг. Намеренно усиливая ситуацию, я бы сказал, что не удастся ни по-настоящему завершить, ни по-настоящему начать. Такая ситуация («уже не,

но еще не») становится в некотором смысле модельной. Это синдром советской и постсоветской политической жизни. Я к нему еще вернусь.

В этом смысле для меня, как для исторического социолога, социолога российской жизни, съезд – это симптом и символ возможного поворота к другому пути страны. К «другому», но не «особому». Сильно упрощая ситуацию, я сказал бы, что в этом смысле можно построить обобщенную политическую историю, историю политической культуры в России второй половины XX века и начала XXI века как систему, которая колеблется между идеей общего пути и особого пути России. Опять-таки, система, ее деятели оказываются всякий раз не в состоянии сделать окончательный выбор.

Чтобы понять, что я имею в виду под словом «окончательный», укажу просто на один исторический прецедент. После 1945 года в Германии стали невозможны слова об «особом пути». Всё, этот период для Германии закончился и, кажется, навсегда, настолько тяжелую цену пришлось за этот отказ заплатить. К сожалению, в России такой степени окончательности процесса не удалось достигнуть ни тогда, ни, как мы убеждаемся, сегодня.

Теперь к данным. Именно потому, что съезд – это симптом, символ, образ иного возможного пути для страны, он и становится значимым в ситуации поворотов, когда вновь поднимается вопрос о пути такого рода и возникают разные точки зрения на будущее.

Вот замер 1989 года. Тогда к самым значительным событиям XX века съезд причислили 10 процентов опрошенных взрослых людей в России. Почему это стало возможно? Важна смысловая констелляция, в которую образ съезда тогда входил. Что с ним было связано? Приблизительно каждый третий тогда (30 процентов опрошенных) относил к самым значительным событиям XX века сталинские репрессии тридцатых годов. Каждый четвертый считал самым значительным событием века перестройку. То есть, в образ съезда тогда входило отталкивание от античеловеческого

сталинского режима и надежды первой перестроечной поры на другой, гуманистический строй жизни .

И вот прошло десять лет. По замеру 1999 года, к самым значительным событиям XX съезд отнесли меньше четырех процентов россиян, репрессии – как важнейшее событие – 11 процентов; перестройку – 16 процентов.

Иначе говоря, в начале наших замеров в 1988-1989 годах мы имеем примерно такую композицию оценок: максимум положительных оценок оценок Запада, минимум высоких оценок «особого» советского пути. Напротив, скорее, тогда была склонность к символическому самоуничижению: «СССР - черная дыра»; «наш опыт никому не нужен кроме тараканов» и т.п. Это из писем, которые нам тогда присылали вместе с заполненными анкетами.

Итак, в начале - отказ от мифологии и риторики особого пути; пробужденная память о репрессиях, угрожавших каждому человеку и всему социальному целому; негативная оценка советского и негативная оценка фигуры Сталина. Через 10 лет композиция перевернулась. Противостоящий общему пути (я несколько слов потом скажу о том, что значит здесь слово «общий») – это теперь вновь особый путь России.

Говоря совсем коротко, чтобы не входить в длинные идеологические дискуссии, за довольно пустой фикцией особого пути, которую никто – ни массы, ни элиты – не в силах конкретизировать, есть, пожалуй, только один остаточный смысл: это путь великодержавный, имперский, причем в условиях, когда «империи» больше нет и возвращение к ней (большинство россиян это сегодня признают) невозможно. Невозможно, но, тем не менее, безальтернативным образом единого «мы» в коллективном сознании остается великодержавный, и обозначен он фигурой Сталина. Других представлений об обществе, власти, человеке в его отношении к себе, к другим и к власти большинство россиян не знает. И не только не знает, но и отстраняется от такого возможного знания, иначе пришлось бы слишком многое менять и

самим меняться, а этого сегодня люди в массе своей не хотят. И Россия снова колеблется между имперским особым путем и общим, на который она так и не может выйти окончательно.

Если в 1989 году Сталина причисляли к самым выдающимся людям всех времен и народов 12 процентов опрошенных, то в 1999 году – 35 процентов. В 2000 году Сталина назвали самым выдающимся политиком среди всех возглавлявших страну в XX веке, так считал каждый пятый из опрошенных. А Хрущева в этом контексте назвали три процента.

В 2001 году 40 процентов указали, что относятся к Сталину с положительными чувствами, симпатией, уважением и т.д. 43 процента – с отрицательными. А еще в 1994 году соотношение, напомню, было такое: каждый четвертый относился скорее с положительными чувствами; порядка половины, т.е. вдвое больше - с отрицательными.

А вот уже данные 2003-2004 года. Такой вопрос: если бы Сталин был сегодня жив и избирался на пост президента страны, вы бы за него проголосовали? 26-27 процентов проголосовали бы.

Другой вопрос, 2003 года: какую, вы считаете, роль сыграл Сталин в жизни нашей страны? В целом положительную роль, ответили 53 процента россиян.

Почему я сосредоточился именно на сталинской фигуре, можно, я думаю, не объяснять. Мы говорим о XX съезде, а значит - о возможности поворота и возможности другого, не особого пути России. Особый путь – это сталинский путь. Это то, что попытались построить в стране за первую половину XX века.

Те вопросы, которые остались после смерти Сталина и после XX съезда, фактически уже во второй половине века, - Юрий Левада назвал их в статье конца восьмидесятых «сталинскими альтернативами» - для России в целом, для разных ее социальных групп, для политической сферы оказались не решенными. Они и сегодня не решены, а во многом даже не поставлены

или их постановка все больше и больше вытесняется из общественного поля. Какие это вопросы? Может ли страна быть открытой миру – не только через нефтяную трубу, как оно было при Брежневле или складывается сегодня, а открытой как политическое целое, как социальное целое? Может ли страна жить в мире, положив конец бессменным в XX веке гражданским войнам и, в том числе, двенадцатилетней бессмысленной и братоубийственной войне, – жить нормальной жизнью, не чрезвычайной, а стабильной, предсказуемой, нормальной? Может ли страна идти не по особому пути, а по общему. Под «общим» я вовсе не имею в виду (это важный пункт, который я хочу подчеркнуть) такой, как у других. Общий – не значит такой, как и у всех или у кого-то другого, у кого я могу его позаимствовать. Общий – это значит ориентированный на множество разных других и учитывающий их. Дефицит в сегодняшней, как и во вчерашней России, – это дефицит активных и самостоятельных социальных множеств. Именно то, что они не возникают, не создается устойчивых политических, социальных, экономических институтов, с которыми могла бы взаимодействовать власть, если она задумает осуществлять реформы, заставляет в случаях подобного реформаторского курса (возьмем действия Хрущева, возьмем действия Горбачева, возьмем потом действия раннего Ельцина) более или менее резко выходить за пределы политического поля. В частности, обращаться к социально-неопределенному, аморфному и во многом зависимому от власти слою интеллигенции. Или к народу, а этот популизм, среди прочего, может означать просачивание на «верх» самых низовых настроений и стереотипов массы. И в сегодняшней российской власти, в официальной риторике нынешнего дня видно, что многое здесь подтянуто из самых низов.

В этом смысле я бы теперь по-другому переформулировал пункт об общем пути. Если хотите, вопрос стоит об универсальном человеке. Не таком как «у других» или «как везде», но и не такому, как «только у нас». О человеке, который позитивно ориентирован на многих других, считает их

важными для себя и проверяет свои шаги, соотнося их с интересами, пониманием и ответными действиями этих значимых для него других. Универсальному человеку в России всегда противостоит, говоря словами Андрея Платонова, государственный житель. В этом смысле выбор, который был на съезде в 1956 году, выбор, который был в 1985 году, выбор, который сделала Россия в 1995-1996 году и т.д., - это был выбор между государственным жителем и универсальным человеком.

Государственный житель – это человек атомизированной массы, временной слепленной давлением или приказом сверху. Это не человек коллективный - никакого такого коллективизма особого в России не было, а было ощущение того, что только в массе можно спастись, ускользнуть, «сачкануть». Только в массе можно скрыться так, что тебя не заметят. В этом смысле поведение массы заведомо пассивно. Оно производно, реактивно и в этом смысле пассивно.

К чему в результате всего перечисленного мы пришли сегодня? По-прежнему композиция власти и композиция политической риторики, которая транслируется через первый и второй каналы огосударственного телевидения, а именно они сегодня воссоздают образ мира для массы российского населения, - это все та же композиция. «Мы» – особые, «они» – чужие, и «он», который над нами и ними, символизирует даже не власть. Россияне же не видят в нынешнем президенте выбраного на определенных условиях и на определенный срок человека, осуществляющего реальную инструментальную политическую власть. Наши опрашиваемые видят в нем острастку и управу для любой власти. «Вот приедет барин – барин нас рассудит». В этом смысле, президент - сверхфигура. Но ведь со сверхфигурой не имеют реального дела, на нее можно только смотреть.

Поэтому отношение к президенту, я бы сказал, телевизионное. И это телевизионное отношение – как бы я смотрю, и в то же время я не там –

становится в некотором роде смысле образом существования и самопонимания человека в сегодняшней России.

Возвращение - по крайней мере, в целом ряде политических заявлений - и самого президента, и близких к нему людей на особый путь, на путь изоляции, свидетельствует о трех кризисах, которые прошли на протяжении 90-х годов, ни один из которых не был по-настоящему опознан, назван, проанализирован так, что можно было бы сделать какие-то шаги по их преодолению. Это кризис идентичности: по-прежнему не понятно, кто мы. Непонятно, если «нам» не противопоставят каких-то «чужаков», и такими чужаками сегодня становятся все (кроме разве что воображаемой Белоруссии, которую тоже по телеэкранам представляют). Это кризис партнерства: с кем мы, во имя чего, на какое время, на каких основаниях?

И третий кризис – кризис альтернативы: можно ли по-другому? Все это вместе образует коллапс развития, который становится все более очевидным, когда уже самые бесправные, самые огосударствленные люди, как было в январе-феврале прошлого года, стали массово выходить на улицы.

Последний момент. Для такой системы, которую я здесь описал (понятно, что не я один ее так описываю), критическими точками становятся моменты перехода власти. Кроме всего прочего, советское общество не пришло к такой степени нормализации политической и общественной жизни, чтобы власть была передана нормальным путем от одного к другому: ее или захватывали, или получали после смерти правителя. Поэтому приближение такой критической точки всегда приводит в крайнее возбуждение сами структуры власти, прилегающие к ним продвинутые группы, официальные и официозные средства массовой информации и т.д.

Говоря о подобной модели, можно сказать, что она принципиально неустойчива. Как бы устойчива в своей постоянной неустойчивости. В этом смысле, на каждом переходе власти, в каждой критической точке возможен как срыв и частичное «возвращение» к старому, к исходному образцу, так и

шаг к выходу из заколдованного круга. Предсказать, что именно произойдет, каждый раз невозможно, еще и поэтому так возрастает роль отдельного лица, принимающего решение, о чем говорила сейчас Мариэтта Омаровна Чудакова.

Когда этот выбор на какое-то время делается, контрмодель как бы переходит в спорадическое состояние до следующего возможного перелома, до нового возвращения. Я имею в виду, что всякий раз на развилке между «особым» и «общим» путем возвращается весь перечень вопросов, о которых шла речь выше. Страна опять оказывается перед полным списком тех же проблем, поставленных, но не решенных и XX съездом, и после него. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Благодарю Борис Владимирович. Четверо записавшихся для выступлений. И первым слово получает Алексей Яковлевич Берелович.

Берелович А.Я. Первым делом спасибо, что меня пригласили. Для меня это большая честь выступать перед такой ассамблеей. Я понимаю, что у меня тут два больших недостатка. Во-первых, в отличие от многих здесь присутствующих я только с большой натяжкой могу себя причислить к свидетелям 1956 года. Во-вторых, как иностранцу мне может быть труднее проникнуть вглубь того, что тогда произошло, но я попробую как раз воспользоваться этим моим качеством, чтобы дать взгляд со стороны.

Хотел бы начать с того, что XX съезд, 1956 год - кто-то уже об этом говорил - это не только советская история. Это, по крайней мере, европейская история. Я прекрасно помню, в 1956 году расколы, дискуссии, запрет чтения доклада Хрущева для членов компартии, хотя это было опубликовано в газете «Монд», но честные члены компартии не читали этот доклад, потому что им сказали, что это фальшивка. И, конечно, венгерские события, уличные баталии вокруг газеты «Юманите» и т.д. То есть, конечно, это было в первую очередь событие для Советского Союза, но это было

также событие для стран Восточной Европы и для всего коммунистического движения. И в связи с этим вообще мировое событие. Это мое первое замечание.

Второе. Я хотел бы присоединиться к тому, что сказал Виктор Леонидович Шейнис. Конечно, 1956-й год – это один момент, кульминационный момент, но момент в целом достаточно длительном процессе. Уже в 1953 году и в литературе, конечно, с известными статьями в «Новом мире», но и в общественной жизни мы замечаем первые признаки этого сдвига в общественном сознании, в умонастроениях, но и так же, как мы видим по теперь опубликованным докладным запискам тогдашнего КГБ, сразу же после смерти Сталина были некоторые движения, например, среди студентов, которые потом продолжались некоторое время.

Я хотел бы здесь сделать маленькое замечание насчет «оттепели». Конечно, название, найденное Эренбургом, гениальное. Признак этой гениальности названия, я бы сказал, в том, что оно так прижилось. Но я немножко боюсь, что оно не помогает определить это время, а наоборот запутывает, т.е. его эвристическая сила минимальна. И вот эта климатическая метафора, из-за которой мы говорим об «оттепели, морозе, заморозках, отмораживании» и т.д., в общем, прячет суть того, что происходило. Если «оттепель», значит, до этого была «зима»? Значит, что – всё было заморожено? Были всякие все-таки социальные явления, я не хочу сказать – движения, в то время. Если это была «весна», тогда потом снова «зима», значит, конечно, у нас тогда появляется желание это назвать неосталинизмом. И мы ставим, таким образом, знак равенства между сталинской и брежневской эпохами, что конечно, в сущности, неправильно. Нельзя ставить знак равенства между тоталитарным и «только» авторитарным режимами.

Несмотря на всё мое глубокое уважение, как и всех присутствующих, к Михаилу Сергеевичу, меня понятие «неосталинизма», которое он употребил,

не устраивает, потому что тогда, если мы говорим о неосталинизме, как будто снимаем с настоящего времени печать настоящего и говорим, что это как бы остатки сталинизма в настоящее время. И это как бы, по-моему, облегчает нашу проблему понимания того, что происходит. Наверное, это тоже связано, конечно, с еще не найденным словом, чтобы определить сталинское время. Сталинизм – это тавтология. Тоталитаризм, я думаю, мало что объясняет, и надо еще найти то определение, которое нам позволит реально определить то время.

Теперь, что произошло, благодаря всему этому предшествующему моменту: 1954 год - второй Съезд писателей; 1956 год – XX съезд? Мне кажется, что это появление в квази публичном пространстве разных мнений. Этот раскол, о котором здесь уже говорилось, создал некоторое пространство, некоторый зазор, благодаря которому можно было вести свою собственную игру. Можно было также себя отождествлять с одним тем или другим направлением. Это внутри, конечно, социалистических установок, но все-таки это позволило выбраться из той тоталитарной однородности общественного мнения (хоть это понятие мало подходит к сталинскому времени). Мнение, конечно, было не общественное, потому что для этого нужны некоторые условия, которых тогда не было. Но это все-таки создается некоторый плюрализм мнений в обществе и, что очень важно это то, что достаточно быстро больше, конечно, при Брежнев, чем при Хрущеве, власть больше не старается контролировать частные мнения. Она продолжает максимально контролировать общественное мнение, общественное пространство, но не частное.

Это и создало те условия, которые потом дадут возможность, я думаю, перейти к перестройке. К слову эти разные мнения по поводу Сталина, очень любопытные, были опубликованы не так давно в сборнике документов,

связанных с XX съездом¹. Там, среди разных докладов, сводок и отчетов есть отчет, например, украинского ЦК о вопросах, которые ставили на собраниях, где читали доклад Н.С. Хрущева и о которых мы говорили. Там этих вопросов десять страниц, просто перечень вопросов. Поэтому я их не буду все зачитывать, но хочу подчеркнуть некоторые из них.

«Магические» вопросы : надо ли убрать Сталина из Мавзолея? Как будто нечистое тело Сталина может заразить чистоту Ленина.

Практические вопросы – некоторые из них просто замечательные. Преподаватель в четвертом классе: нужно ли проходить тему «Клятва товарища Сталина Ленину»? Действителен ли лозунг «Под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина вперед к победе коммунизма!»? Что делать с портретами Сталина? То есть это явно люди практичные, которые понимают, что культ закончился, и просят установку: а что теперь нам делать конкретно?

Добавлю, что вышел еще один сборник документов, касающийся нашей темы (« 58-10, надзорное производство прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганды, март 1953-1991, Москва, 1999»). Всех тех, которых арестовали сразу после 1953 года, после смерти Сталина за изречения типа «подох, туда ему и дорога» (были и более грубые, которые я здесь не могу повторить), освобождают в 1956, 1957 годах. Даже на улице высказанное частное мнение уже не является преступлением. Это я имею в виду, когда говорю о меньшем контроле за частным и даже, в некоторой мере, публичным словом.

Чудакова М.О. Но сажали снова других за эти мнения.

Берелович А.Я. Третий тип вопросов, которые перечислены в документе украинского ЦК, был более глубокий. Такой вопрос: почему молчали члены Политбюро и не требовали созыва пленумов, ведь товарищи

---

¹ Доклад Н.С.Хрущева о культе личности И.В.Сталина на XX съезде КПСС, документы. Сост. В.Ю.Афиани и З.К.Водопьянов, Москва, 2005.

Хрущев, Булганин и другие были тогда у руководства? То есть уже ставится сразу же после чтения доклада Н.С. Хрущева вопрос о коллективной ответственности, и критика того, что все сводится к Сталину.

Это все имело место с самого начала новой послесталинской эпохи. Но, конечно, что очень важно, это то, что нужно было найти свою личную стратегию, свою личную линию поведения. Кратко говоря, эти линии можно свести к следующим : или активная приверженность режиму, с желанием получить вознаграждение за эту приверженность (продвижение по работе, ордена, квартиру и т.д.) Это пассивная приверженность, или лояльность, т.е. я терплю этот порядок, этот режим, я делаю, что надо, но не особенно в нем активен. И третье – пассивное сопротивление или даже (крайний четвертый случай – очень редкий) активное сопротивление (диссидентство).

Возможность этих разных установок и создаст, мне кажется, то, что привело к концу системы. И тут последний вопрос, который я оставляю открытым, он уже здесь затрагивался. Конечно, остается открытым вопрос, который был задан сфинксом в предыдущем выступлении: была ли возможна эта система без террора? Как нам показывает то, что произошло, это то, что она (система) умерла посл. Того как его отменили. То есть можно рассматривать весь процесс от 1956 до 1986 года как постепенный распад этой системы. Это не значит, что это было единственное возможное. Но, наверное, из-за того, как она (система) была построена, в ее сути был этот террор, когда его убрали, вынули тот цемент, ту железную арматуру, которая держала эту систему и без которой она потом распалась. Это не значит, что другие варианты не были бы в принципе возможны. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Алексей Яковлевич. Следующая Наталья Борисовна Иванова.

Иванова Н.Б. В 1956 году Лидия Корнеевна Чуковская записала в своих «Записках» слова Ахматовой о России и о XX съезде. Ахматова сказала: сейчас одна Россия вернется – та, которая сидела, но другая Россия

ее встретит – та, которая сажала. И этим обозначила тот внутренний конфликт, который на самом деле не исчерпан до сих пор и о котором столь впечатляющими цифрами поведал нам Борис Владимирович Дубин.

Та же Ахматова говорила, и это тоже зафиксировано Лидией Корнеевной Чуковской: я – хрущевка. Несмотря ни на какие соображения по поводу того, что и почему не нравилось тогда в действиях Хрущева интеллигенции той поры.

Об этой пестроте, о черно-белом в Хрущеве, говорилось сегодня многими. Но я хочу сказать немножко о другом. И начать с продолжения, может быть, этой темы природы, природных метафор, которые прозвучали в выступлении Алексея Береловича. Ведь не только Илья Эренбург сформулировал время в слове «оттепель», но прежде него ту же формулу нашел и Николай Заболоцкий в своем известном стихотворении. Сформулировал и Борис Леонидович Пастернак в названии последней книги, — «Когда разгуляется». Ее составили стихи 1956-1959 годов. Кончается эта книга словами «И дольше века длится день». Это предпоследняя строчка книги и предпоследняя строчка всей поэзии Пастернака.

И я думаю, что вот уже дольше полувека длится вот этот разговор о том, что же на самом деле дал 1956 год? Сейчас памятливые отмечают не только 50 лет XX съезду и докладу Хрущева, а и 20 лет перестройке. Недаром эти цифры так рифмуются. Но рифмуются не только цифры, обозначающие даты. Рифмуются, конечно же, и типы модернизации страны. И оба этих типа модернизации страны, в конце концов, не скажу, что потерпели неудачу, но до конца не были осуществлены. Но историческое значение этих двух попыток нельзя не считать колоссально важным в жизни России XX века.

Было время, которое готовило XX съезд и готовило на самом деле эту речь Хрущева. Я думаю, что эту речь написало отчасти еще и само время.

Именно поэтому речь совпала со временем, и именно поэтому не последовало восстания после этого шокового, казалось бы, выступления.

Это время «создало» выступление на XX съезде и атмосферу XX съезда, создало новый тип человека, который позже был окрещен шестидесятником. Это тип нового человека, во многом отличавшегося от того, что можно назвать человеком советским.

Ни для кого не секрет и для здесь сидящих людей, которые знают творчество Юрия Трифонова, творчество Фазиля Искандера, а не только творчество Пастернака или Ахматовой, для тех, кто знает творчество Александра Солженицына, для тех, кто знает стихи Иосифа Бродского, для тех, кто знает прозу Андрея Синявского и его литературоведческие, исторические эссе, что на самом деле это тип необыкновенно разнообразный и это тип необыкновенно творческий.

Дело не в том, что партия и правительство решили в 1956 году открыть журналы «Молодая гвардия», «Вопросы литературы», «Урал» и т.д. (Это все 1956-1957 годы.) Но я думаю, что сама общественная атмосфера взывала к тому, чтобы эти издания не могли не быть открытыми. Так называемые 60-е годы, на мой взгляд, начались после смерти Сталина сразу. 60-е годы как эпоха закончились отнюдь не в конце календарных 60-х, а 14 октября 1964 года. Для шестидесятника было очень важно успеть начать. Те, кто успел тогда начать, продолжают и до сих пор. Настолько сильный был заряд, который был в эти годы дан не только Михаилу Сергеевичу Горбачеву, но и всей творческой интеллигенции. Да и самому обществу был дан колоссальный заряд.

Общество ответило еще и тем залпом особой силы, который произошел где-то в конце 80-х годов, начиная с 1986 года и до 1990 года – поднималось это общественное сознание, когда тиражи журналов зашкаливали. Тираж журнал «Знамя» дошел до одного миллиона экземпляров, тираж «Нового

мира» - до двух с половиной миллионов, тираж «Дружбы народов» - до одного миллиона 800 тысяч экземпляров.

Я думаю, что это случилось потому, что мы старались помочь договорить то, что не удалось договорить тогда, когда (в середине 60-х), были насильственно прерваны 60-е годы. Журналы допечатали, распечатали и познакомили миллионного читателя с тем, что было тогда уже невозможно остановить.

Когда мы говорим о черно-белом в том времени и в самом Хрущеве, в том, что сделано потом, в попытке модернизации, в попытке той модернизации, которую предпринял Михаил Сергеевич Горбачев, я думаю, что очень многое зависело не от них тоже, а многое в том, скажем, негативном, зависело от самой интеллигенции. Вот мы говорим о том, как Никита Сергеевич Хрущев обрушился на художников, как он обрушился на писателей, какие были встречи в ЦК и т.д.

Вы знаете, я очень внимательно проанализировала то, что делала сама интеллигенция, т.н. творческая, для того, чтобы это случилось. Так вот: она делала максимум из возможного.

Мы прекрасно помним, что 19 марта та же «Литературная газета» напечатала полосную почти статью Константина Симонова «Священный долг писателя» о том, что самое главное – это и дальше образ Сталина вбивать в сознание человечества.

Я хочу напомнить о том, как происходило обсуждение того, что делать с Пастернаком. И вот те слова Семичастного (насчет того, кто где ест и что делает) до Семичастного были сказаны Михаилом Лукониным – фронтовым поэтом – не только на собрании московских писателей, но и на Секретариате, на котором требовали делать выводы.

Эта роль творческой интеллигенции – провокационная. Многие воспользовались возможностью — задавить, сравить, уничтожить своего оппонента. Собственно говоря, то же самое сильно проявилась и во времена,

когда Михаил Сергеевич начал то, что он начал. И я помню, как внимательно мы смотрели за писательскими встречами Михаила Сергеевича. Прекрасно помним эту статью о культуре дискуссий и прекрасно помним письмо Андреевой и ответ на него, который был в газете «Правда».

Несколько лет тому назад я издала книгу, которая называется «Ностальгическое». Такой неологизм придумала я сама. И совсем в последней книге, которая вышла только что, к юбилею Витторио Страды - известного итальянского слависта, есть моя статья, которая называется «Профиль Сталина». Почему — настоящее? Потому что, как говорил Андрей Донатович Синявский, у меня расхождения с советской властью чисто эстетические. Так вот, схождения со сталинским большим стилем в нашей замечательной стране начались в 1993 году, а вот во время перестройки этого не было. И эти схождения начали опять же мы сами, наша творческая интеллигенция, которая запела старые песни о главном, потом начала снимать ностальгические фильмы, потом погрузила страну, благодаря телевидению, в те самые времена.

Берусь составить программу из многих каналов, чтобы показать вам, как это происходит и сегодня. И дело кончилось той самой ползучей реабилитацией Сталина, о которой говорил Борис Владимирович Дубин, тем ренессансом сталинизма в разных сферах, в том числе, и эмоционально-эстетической сфере, потому что ничего нет слаще, чем большой стиль для таких писателей, даже пародирующих его.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Наталья Борисовна. Сергей Иванович Чупринин, пожалуйста.

Чупринин С.И. Дорогие коллеги! Мы с Натальей Борисовной Ивановой, разумеется, не сговаривались, но я продолжу тему, которой и она успела коснуться. Речь о шестидесятниках. И о шестидесятничестве – как об особом социальном и культурном феномене.

И причин у нашего общего обращения к этой теме, по крайней мере, две. Во-первых, журнал, который мы ведем вместе с Натальей Борисовной, до сих пор называют шестидесятническим, и я помню, как пламенный патриот Сергей Семанов как-то назвал меня лично «последышем шестидесятничества». Хотел, надо полагать, уязвить, а на самом деле потрафил.

И тут уже вступает в действие вторая причина. Как мне кажется, одним из важнейших итогов XX съезда как раз и является то, что он породил совершенно особую породу людей, ни ранее, ни позднее в столь химически чистом виде не встречавшуюся. Станных, прямо скажем, людей.

Они вроде бы появились раньше февраля 1956 года, а сошли, казалось бы, с исторической сцены задолго до мутных 70-х. Выпуская в самом начале перестройки трехтомную антологию «Оттепель: Страницы русской советской литературы», я обнаружил, что первой ласточкой была статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Это «Новый мир», № 12 за 1953 год. Да и повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», давшая название историческому периоду, пробилась в печать еще в 1954 году. Причем как раз в нашем «Знамени». А конец... Одни связывают его с отставкой Хрущева, другие – с арестом и ссылкой Иосифа Бродского, с судебным процессом по делу Даниэля-Синявского. Третьи оттягивают еще дальше – до советских танков в Праге, т.е. до августа 1968-го. В любом случае эпоха как именно эпоха оборвалась раньше своего календарного срока.

А шестидесятники остались, и по сей день многие из них, слава Богу, социально и культурно активны: не вычеркнуть, не вынуть из исторического процесса. Выяснилось, что важнейшая характеристика этого поколения в том, что они дважды получили и дважды реализовали свой исторический шанс.

Впервые – в шестидесятые же, и здесь нет нужды долго распространяться. Замечу лишь попутно, что принадлежность к этому поколению определяется

отнодь не возраст. Шестидесятники – это и, как сказано у Роберта Рождественского, «романтики, ум у книг занявшие, кроме математики, трудностей не знавшие», и, скажем, Булат Окуджава, фронтовик, Николай Панченко, фронтовик, Виктор Платонов, фронтовик, или Константин Георгиевич Паустовский, и вовсе к тому времени изрядно поживший. Окуджава и Паустовский видятся нам шестидесятниками, а вот, назову одно лишь имя, Александра Солженицына, очевидно нет. Возраст, словом, играет роль, но второстепенную. А первостепенную что-то иное, позволившее людям этой формации пережить то, что в печати, особенно в эмигрантской, а затем, как ни парадоксально, в коммуно-патриотической так часто называлось крахом шестидесятничества, гибелью шестидесятников, позорной сдачей шестидесятников. И то, что позволило им спустя двадцать лет не пропустить свой второй – и решающий! – исторический шанс.

Ну в самом-то деле... Трудно, конечно, напрямую спрашивать Михаила Сергеевича, но я спрошу: Вы ведь тоже шестидесятник?

Горбачев М.С. Абсолютно.

Чупринин С.И. Вы – шестидесятник. Александр Николаевич Яковлев, чуть постарше, фронтовик, тоже шестидесятнической закваски. И те литераторы, публицисты, те первые политические мыслители, что дали интеллектуальный окрас перестройки, тоже из поздней шестидесятнической плеяды.

Это они, это вы смыли со страны позор и клеймо сталинщины. Это они, это вы дали российскому народу первый глоток свободы. Так можно ли, позволительно ли говорить о крахе, гибели или позорной сдаче этого поколения, если в первый раз не получилось, не было исторического ресурса, зато во второй – получилось, да еще как!

И хочется спросить: а кто же, собственно, природные враги шестидесятников, кто адресует вам (и нам) все эти обвинения. Ну конечно, скажете вы, прежде всего неосталинисты или люди, которые, как говорил

Борис Владимирович Дубин, ориентируются на некий особый путь России, которые при ближайшем рассмотрении оказывается вот именно что неоимперским и, разумеется, антиреформаторским, антимодернизационным. То есть те, кто хотел бы подморозить Россию – и если можно, то на века.

Но есть и второй разряд людей, которые терпеть не могут шестидесятников – как в версии Хрущева и Твардовского, так и в версии, условно говоря, горбачевской. Это прирожденные революционеры и, значит, соответственно тоже антиреформаторы, радикалы, люди быстрой мысли и еще более быстрого действия. Им вечно кажется, что история движется слишком медленно, что ее нужно разогреть, взбодрить, заставить пуститься вскачь.

Шестидесятники, и здесь главное из того, о чем я хотел сказать, люди реформ, а не революций. Они идут вперед, но хотят быть еще и осмотрительными. Они не склонны к силовому разрешению исторических конфликтов. Они боятся навредить – и самим себе, и истории, и своему народу. Истинные герои оговорочки, постепеновцы, как либералов клеймил еще Владимир Ильич Ленин.

Спасибо Мариэтте Омаровне за чудесную цитату из давнего высказывания Горбачева о том, что можно было, конечно, и кулаком ударить, но очень уж не хотелось. Вот это и есть шестидесятники – люди, которым никогда не хочется ударить. А ведь можно было бы... И кажется даже, что нужно было бы. Как Никита Сергеевич – башмаком. Вот он-то уж...

Реплика. Он их породил.

Чупринин С.И. Породил, согласен, хотя сам шестидесятником не был. Ну это для отца нормально – принадлежать к другому поколению, чем его же дети.

Но я завершаю. Скажу лишь, что первую шестидесятническую попытку оборвали, конечно, неосталинисты. А вот со второй, перестроечной, -

сложнее. Здесь, на рубеже 1980-1990-х, понадобились уже сдвоенные, парадоксально совпавшие усилия и антиреформаторов-неосталинистов и антиреформаторов – революционеров и радикалов. Одни хотели остановить эволюцию, другие, напротив, ускорить ее, придать ей взрывной характер, и шестидесятники, Горбачев мешали как вторым, так и первым. Перестройка в итоге была в очередной раз оборвана, а история – смотрите девяностые годы – пошла рывками, и все мы тому свидетели. Рывок – пауза, пауза – рывок, вместо того, чтобы двигаться поступательно, оглядчиво, осваивая рубежи, уже отвоеванные.

Вот Владимир Александрович Рыжков справедливо говорил, что процесс десталинизации не завершен. Да он потому и не завершен, что исторический урок не усвоен. Ему не дали времени усвоиться, так же как историческому опыту не дали шанса устояться, стать прочной и надежной почвой для дальнейшего поступательного продвижения вперед.

И шестидесятники кажутся сейчас... Михаил Сергеевич говорит, что его считают наивным. Ну да, конечно. С точки зрения радикалов, шестидесятники, конечно, слишком наивны. У них (у нас) слишком много внутренних ограничений. Мог бы, конечно, Горбачев, как китайцы на площади Тяньаньмынь, произвести одно силовое действие, положить несколько тысяч людей, и все стало бы прекрасно – как в нынешнем Китае. Мог бы, но очень уж ему не хотелось. И никому из шестидесятников никогда не захочется.

За это их ненавидят. И за это же я сегодня говорю им огромное спасибо.

Кувалдин В.Б. И вам спасибо, Сергей Иванович. Игорь Иванович Виноградов.

Виноградов И.И.

Времени у нас уже мало, и я позволю себе очень коротко, в тезисном формате, высказать свою точку зрения только по трем вопросам, связанным с той эпохой, которую мы сегодня обсуждаем. Но без ответа на них нельзя,

мне кажется, правильно понять самое ее существо, адекватно оценить ее историческую значимость.

Во-первых, пора, наконец, разобраться с весьма распространенной ныне оценкой культуры 60-х гг., согласно которой она заслуживает больше минусов, чем плюсов. Но это – как считать. И на мой взгляд общий баланс здесь все-таки таков, что просто обязывает нас отнести 60-е гг. к эпохам, позволяющим как раз много отчетливее видеть границы истинности многих привычных историософских формул, чаще всего толкуемых нами слишком прямолинейно, а потому превратно. Например, - границы той знаменитой гегелевской формулы, которая гласит: «Сова Минервы вылетает в сумерки». У нас в годы так называемого «застоя» было очень модно развивать эту тему, и небезызвестный Вадим Кожин написал даже в связи с этим специальную статью, где (в пику «оттепельным» временам) доказывал, что именно времена реакции как раз и способствуют расцвету культуры. Нелепо было бы отрицать, что есть немало исторических примеров, которые как бы подтверждают такую точку зрения. Но не дают никаких оснований для ее абсолютизации. Хотя бы уже потому, что не надо забывать: сумерки наступают всегда вслед за днем. И если день был пустой, в сумерках, его сменяющих, сове Минервы делать, как правило, нечего. Без 60-х гг. XIX века не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского, которые, кстати, и сами прошли через горнило той эпохи. И точно так же без наших 60-х гг. не было бы ни наших 70-х, ни наших 80-х с их действительно немалыми взлетами и в мысли, и в искусстве. На мой взгляд, эпоха нашей «Оттепели» лишний раз подтверждает тот факт, что первоначальный толчок всякому действительно большому движению в культуре всегда дается каким-то крутым поворотом истории, знаменующим переход к новым, открывающим более широкий и свободный простор развитию человеческого общества формам его исторического существования. Это ситуация, когда в жизни той или иной страны или эпохи возникает новая исторически масштабная

духовная, социальная, политическая, культурная и т.д. проблематика, требующая своего разрешения. И вот тогда-то, именно в этот период начинающегося нового исторического дня, дающего надежду на обновление, и возникают первые ростки той новой культуры, которая может потом развиваться уже и в сумерках – и даже именно в сумерках приносить и наиболее ценные, самые зрелые свои плоды.

Посмотрите с этой точки зрения на нашу литературу 60-90-х гг. прошлого века. Какие имена – как наиболее яркие и показательные для этого периода - вы прежде всего назовете? Наверное, - Солженицына, Искандера, Трифонова, Битова, Аксенова, Бродского, - не так ли? А ведь это все писатели, вышедшие, несомненно, из 60-х гг., именно тогда начинавшие, тогда формировавшиеся и тогда же впервые и обнаружившие свой писательский масштаб. А теперь поставьте рядом хоть кого-нибудь из нынешних, действительно ровного им по значимости и крупности своего творчества. Да, за последние двадцать лет у нас немало появилось новых имен, и даже очень талантливых. Но все-таки не такого масштаба - с этим вряд ли все-таки можно поспорить. Значит, не только в сумерки, но и на заре, и даже пусть при свете не очень еще приветливого, все более затягиваемого мрачными тучами дня, когда появляются тем не менее какие-то новые и достаточно значительные возможности для развития культуры, возможен ее расцвет.

Правда, многие не согласятся, возможно, с тем, что тот же Бродский или даже Солженицын – шестидесятники. Но здесь я подхожу ко второй своей теме, на которой тоже хотел бы коротко остановиться.

Сергей Иванович Чупринин сетовал уже здесь по поводу того, в какой отрицательный ярлык превратилось понятие шестидесятничества благодаря усилиям тех, кто позиционирует себя по отношению к этой эпохе в качестве представителей новых поколений, шестидесятникам оппонирующим. Но это очень понятная и очень банальная вещь. Этот закон психологической

антитезы сформулировал в свое время еще отнюдь не такой уж плохой мыслитель-марксист, как Георгий Валентинович Плеханов. В своих «Письмах без адреса» и в других работах по истории искусства он блистательно продемонстрировал, насколько закономерно, почти неизбежно возникает такое психологическое противодействие своим предшественникам у каждого следующего поколения, претендующего сказать какое-то новое слово. Но поскольку мы находимся все-таки именно в области культуры, где никакое плодотворное новаторство просто невозможно иначе, чем на почве преемственности, не стоит придавать слишком уж большое значение такого рода массовым, я сказал бы даже - в известном смысле стадным явлениям и реакциям. Куда важнее попытаться понять самое природу обсуждаемого явления, обращаясь к целостному анализу его реального генезиса, а не отталкиваясь от привычных, пусть даже и массовых представлений о нем, продуцируемых той или иной оппонентной ему средой.

И вот если следовать этому принципу, то, мне кажется, вряд ли все-таки можно считать оправданной уже и саму ту акцентированную политизацию понятия «шестидесятничества», опираясь на которую оппонировавшие шестидесятникам поколения и пытаются с ними спорить: шестидесятники – это-де именно и только те, кто веровал в социализм - хоть и с человеческим лицом, но все-таки в социализм. А я думаю, что шестидесятничеством правильнее называть все то очень широкое духовное явление в истории нашей страны, которое возникло тогда, когда страна явно оказалась перед необходимостью кардинальных реформ в самом своем устройстве, когда потребовалось переосмысление истории, когда люди встали перед целым рядом сложнейших социальных, политических, нравственных, культурных проблем и вопросов, связанных с дальнейшим существованием страны и потребовавших от них ответа. И люди пытались найти эти ответы, и ответы эти были очень разные. Одни действительно искали их в реформировании социализма, но другие видели выход из кризиса

эпохи в иных социально-политических решениях, вплоть до возвращения к монархии, третьи вообще склонялись к общественному скепсису, перенося свои упования на нравственное самостояние личности, четвертые – уже тогда - осознавали всю важность религиозного возрождения. И т.д. и т.п. Но все это были люди одного и того же поколения, отвечавшие на одни и те же вопросы, поставленные эпохой, - Аксенов и Аверинцев, Егор Яковлев и отец Александр Мень, Кожинов и Трифонов, Бродский и Распутин. И т.д. и т.п. Все они – в широком и более, на мой взгляд, правильном смысле слова – были именно шестидесятниками, все они вышли из этой эпохи, хотя впоследствии и развивались по-разному. В широкой среде этого шестидесятничества было, разумеется, немало и тех, чье мирозерцание вполне может быть уложено в рамки идеологии «социализма с человеческим лицом». Но характерно, что и здесь акцент был не столько на «социализме», сколько на «человеческом лице» - социализм для большинства тогдашних его защитников был прежде всего той реальной данностью, в которой жило поколение, которую предстояло реформировать и которая казалось вполне пригодной к реформированию. А вот то новое слово, которое шестидесятники, принадлежавшие к этой достаточно широкой группе, объединенной некоей общей социалистической ориентацией, действительно принесли с собою – это именно идея реформирования страны в сторону большей ее человечности. И вот этот пафос человечности, эта жажда сделать страну более свободной, более открытой, более пригодной для человеческой жизни как раз и есть то самое главное общее, что роднит уже действительно всех шестидесятников – независимо от того, как веровали и веровали ли они вообще в социализм. Поэтому когда говорят, что шестидесятники проиграли свою историческую игру, то это может относиться только к тем шестидесятникам, кто действительно держался всеми силами именно за социализм, – такие тоже были. И они действительно во времена Перестройки проиграли свою *политическую* игру, не успев понять что

социализма с человеческим лицом вообще быть не может. Но разве проиграли свою жизненную игру, начатую в 60-е гг., Солженицын и Бродский, Искандер и Трифонов, Мень и Астафьев – как и десятки других выдающихся представителей нашей культуры, вышедших из Оттепели?..

И третье. Для того, чтобы научиться правильно разбираться во всех подобного рода явлениях, нам нужно, мне кажется, решительно отказаться и от такой малоперспективной исторической методологии, как привычка оценивать то или иное явление, исходя из того, чего в нем больше – черного или белого. Такой подход тоже, конечно, необходим. Но для этого нужны, во-первых, надежные критерии, а их не определишь, не разобравшись в том, какого рода критерии соответствуют самой природе оцениваемого явления. Поэтому куда важнее понять прежде всего именно самую природу этого явления. И вот такого рода анализ до сих пор, мне кажется, очень слабое место во всей нашей рефлексии – исторической, литературной, литературоведческой, культурной, какой угодно.

Я просто оттолкнусь от одного примера. Сегодня много – и это естественно, - говорилось о Сталине. И вот давайте поставим перед собой такой вопрос. К культуре 60-х годов я отношусь - из того, что я сказал, я думаю, это ясно – с должным признанием ее значительности, полагая, что это большое явление, большой период в нашей культурной истории. Но дала ли литература 60-х годов художественно адекватный, убедительный образ Сталина? Уж кому, казалось бы, как не шестидесятникам, попытаться разобраться в этой фигуре, из отвержения культа которой 60-е гг. как раз как будто бы и выросли! Ведь известно, что литература, искусство часто предваряют в постижении сути многих общественных явлений интеллектуальную рефлексию философии, социологии, психологии и историософии. Предваряют, потому что интуитивно схватывают именно самое суть явления. Но наша литература 60-х гг., даже великая литература, даже, скажем, Солженицын, даже Искандер, не сумели это сделать. Сталин

всегда выглядит у них, простите, всегда этаким психологическим монстром, этаим патологическим ублюдком-злодеем, в изображении которого акцент ставится именно на личных его качествах, на личном его злодействе. Это прежде всего ужасный «пахан», как и называл его когда-то Солженицын в своих фронтовых письмах к другу, за что и попал в лагерь. Вот такой «пахан» и сейчас перед нами - в том фильме по роману Солженицына «В круге первом», где Сталина играет Кваша. Кваша играет отлично, но играет то, что предлагает ему роман. Он просто идет по следу романа. Но это образ, который своей гротескностью уже не убеждает. На уровне самого непосредственного, живого восприятия, не чувствующего художественной правды образа, становится ясно, что здесь что-то явно не найдено.

Что же не найдено? И почему? Я думаю, именно потому, что литература 60-х гг., устремленная по преимуществу к нравственному измерению общественного бытия (*социализм с человеческим лицом*), и должна была увидеть в Сталине прежде всего жуткого злодея, жуткого «пахана», бандита и т.д.

Что ж, Сталин – действительно злодей. И действительно страшный злодей. Но он гораздо более страшный злодей, чем тот, какого мы видим у Солженицына, у Рыбакова, у Панфилова. Потому что Сталин - это прежде всего *идейный* тиран, *идейный* злодей, а личные его качества – лишь индивидуальное дополнение к этой сути. Не надо забывать о том, что Сталин – это руководитель огромного, как сейчас любят говорить, социально-политического проекта. Можно по-разному видеть коммунизм, но он строил его, и ради этого прежде всего и была нужна ему власть. Это не просто патологическая личность - это человек, который выразил собой самую суть той античеловеческой, самой природой своей обращенной к насилию исторической эпохи, во главе которой он стоял. Потому что безбожный атеистический социализм, коммунизм и, если хотите, атеистический гуманизм (хотя это нонсенс, это понятия не совместимые) не

содержат в себе никаких безусловных табу, запрещающих делать то, что делал Сталин. Напротив, - логически не только вполне допускают, но способны даже и требовать «во имя свое» самого ужасного деспотизма.

Простите, я приведу здесь пример, который, может быть, многих в этой аудитории шокирует. Но факт есть факт, и он крайне показателен. Абсолютно гуманный, тишайший Виссарион Белинский, который и мухи никогда не обидел, в годы, когда он перешел от так называемого «примирения с действительностью» к революционному атеистическому социализму, ставшему его богом, альфой и омегой его мировоззрения, не раз писал в своих знаменитых исповедальных письмах к Боткину, что готов уничтожить миллионы, даже большинство человечества ради того, чтобы будущие миллионы миллионов были счастливы в социалистическом раю. Конечно, от теории до практики – дистанция огромного размера, и сам Белинский, подвернись ему такая возможность, вряд ли способен был воплотить свой радикализм в реальность. Но была бы идея – исполнитель, способный воплотить ее в жизнь, всегда найдется. Идея – начало и основа всего, а ее-то и сформулировал со всем свойственным ему бесстрашием мысли Белинский – сформулировал не потому, что был злодей, а потому что идея это вытекала из самой сути того мировидения, которое он исповедывал. Это, в сущности, центральная жизненно-практическая парадигма самой историософии этого мировидения, все же остальное, «личное», относящееся к индивидуальным особенностям ее воплотителей, - только приложение.

Культура 60-х гг. – ни в ее художественной, ни в интеллектуально-аналитической ипостаси - не сумела распознать эту глубинную суть сталинизма – а тем самым и самой фигуры Сталина. Не сумела, потому что сама была достаточно далека от того видения бытия, которое могло открыть ей глаза на эту духовную суть коммунизма. И Солженицын с его христианством, укорененном лишь в нравственной, но не в историософски-аналитической сфере, здесь не исключение. Именно в этом, кстати, и

состоит как раз главная историческая слабость подавляющего большинства шестидесятников, главный духовный изъян всей этой эпохи.

Но если мы не будем отдавать себе отчет в глубинной духовной сути сталинизма, то сколько бы мы ни говорили о десталинизации, мы никогда ее не добьемся. И никогда не поймем того важного различия, которое существует между сталинской эпохой и нашей современностью, тоже как будто бы все более поглядывающей в те времена. Между тем это различие делает сегодня любую апелляцию к авторитету, которым Сталин как строитель великого государства все еще пользуется у миллионов людей, так и не понявших сути сталинизма, в чем-то еще более опасной для страны. Ведь что такое наше современное государство? Я совершенно согласен с Андреем Илларионовым - это корпоративный государственно-бюрократический капитализм, вся суть которого – в спецоперации по захиванию страны в свой бездонный бандитский карман. Сталин занимался не этим. И если мы не будем понимать этой разницы, мы никогда не поймем, почему применение сталинских методов, освящаемых авторитетом Сталина, может привести сейчас, когда кардинально изменилось их целевое назначение, к результатам в чем-то более даже катастрофическим, чем это было при Сталине. В сущности – к распаду России на удельные княжества, хозяевам которых куда выгоднее будет быть у себя полновластными самодержцами, чем дрожать от страха перед центральной секирой, как дрожал когда-то Хрущев. Потому-то при первой возможности он и попытался избавиться от ее угрозы, прибрав ее к своим рукам. Что из этого, в конце концов, вышло – известно всем.

Кувалдин В.Б. Мы завершаем нашу конференцию. На базе выступлений будет издана книга. Все выступающие получают тексты. Они должны будут их авторизовать. Те, кто по каким-то причинам не выступил, но хочет участвовать в этой книге, - милости просим.

В заключение я хочу все-таки вернуться к самому началу, то есть к Никите Сергеевичу Хрущеву. Я думаю, у каждого есть свой Хрущев. Для меня это гигант. Гигант прежде всего потому, что он вышел из кровавой сталинской шинели. Он не был одет в эту шинель. Он был с пелен в ней как младенец. Он разорвал эту пелену, сбросил шинель. Мне кажется, этот нравственный подвиг перевешивает всё.